

Губарев А. В.

Край стубил суровый

Сборник рассказов и стихов

Алексей Васильевич Губарев

Край сгубил суровый

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48714874

SelfPub; 2019

Аннотация

Уважаемый читатель, открыв страницы сборника, вас увлечет чувственный мир русской поэзии.

Край сгубил суровый

Январской ночью в дыбу пьян

Попрусь дорогой незнакомой,

Крича проклятия кустам,

Ломаясь в шаткие поклоны.

Повиснет грустная луна,

Бросая сказочные тени.

Застывшие в оковах сна,

Посеребрят макушки ели.

Без шапки, в шубе нараспах,

По грудь увязнув в буреломе,

С застывшей песней на губах

Обмякну в голубом полоне.

Пустой борьбою изможден,

С намерзшей коркою на роже,

На рыхлый положу амвон

Изодранных ладоней кожу.

Уставшей головой паду

На обмороженные руки.

Так и усну. Очнусь в аду,

На вечные готовый муки.

Умру с улыбкой на устах,

Во мраке околев еловом.

Мороз трескучий у куста

Акафист наклубит недолгий.

Следов запутанная нить

Укажет скит души бедовой.

Могла, глупышка, жить и жить...

Да край меня сгубил суровый.

И также новая зима

Поманит пьяного в дорогу.

И так же грустная луна

Повиснет тихо над сугробом.

У иконы

Пресвятая, будь я трижды проклят,

Пропадай пристрастие моё!

Пред тобой глаза у многих мокнут,

А моим чего-то все равно.

Их немой укор не растревожит,

И ничуть не тронет скорбь очей.

Да и отогреть уже не сможет

Теплый свет мерцающих свечей.

Отщепенец, странник одинокий;

Мне судьбою кануть без следа,

Потому тропинкою далекой

И бреду неведомо куда.

Тем и бит – один парю, без стаи.

Может в том значение моё,
Забираясь в пагубные дали,
Всё искать, чем заболел давно.

А чего пробрался в мрак церковный,
Хоть каленым остриём пытай,
Не ответит дух неугомонный,
Что давно привык летать без стай.

Но зашел. Не в этом ли отрада -
Всякому дорога в Божий храм.

Или может ты тому не рада?

Или мой изъян не по зубам?

Я готов к любому приговору.

Пусть хоть что, слезы не оброну.

Только знай, пустые разговоры,

Будто Родину я не люблю.

Это все завистливая наветь,

Где несложно угадать обман.

Черной ложью голубую заводь

Непроглядный обернул туман.

Голубую заводь слёз холодных

Пламени зардевшихся рябин,

Что колышутся на глади водной

О которой знаю я один.

Из того стоит перед тобою

С гордой, непокорной головой

Тот, чей свет бессовестной молвою

Скрыт надежно липкой пеленой.

За порок любить свою Отчизну

Так, как любит только офицер.

Без остатка и без укоризны

На нелегкий каторжный удел.

Тронул низкие тучи

Тронул низкие тучи

Полыхнувший рассвет,

Патокою тягучей

Закипев вдалеке.

Над озерною гладью
Непроглядный туман
Деву в розовом платье
Выткнул пьяным глазам.

Златовласая ива,
Льет холодную тень,
Нежит плети пугливо
О молочную лень.

Тихо плещутся волны,
Накликают беду.
Под архангелов горны

В темный омут войду.

В Непорочную Деву

Взор уставлю хмельной.

Обращусь неумело:

– Не останься глухой.

Снизойди благодатью,

Я не много прошу.

Дай, дотронусь до платья.

Пусть ещё согрешу.

А потом жги укором.

Строгим взором карай.

Ничего не оспорю:

Зло стыди, зло ругай.

Мне со мною нет сладу,

Так и пышет в груди.

В том одна и отрада,

Что, вдруг, ты на пути.

Так прости мне, сестрица,

Дурь терзающих ран

И что черт утопиться

Подстрекнул пока пьян...

Влезши в омут туманный

У ивовых плетей,

Каётся в стельку пьяный

Губарев Алексей.

Помины

Навалились тучи.

Опустилась мгла.

Мятою пахуче

Сбразилась земля.

Тихо мироточат

Пламенем рябин

Золотые очи

Ропщущих осин.

Дуновенье робко

Колыхнуло даль,

Обнажил поддевку

Сонный краснотал.

Мирница нарочно

В небе пролилась;

Лето непорочный

Поминает Спас.

Грезится попойка:

Накатила блажь

Так упиться горькой,

Чтобы в одурь аж,

Чтобы взор размыла

Мутная слеза...

Осень прополощет

Пьяные глаза.

Вымокла долина.

До костей продрог.

Юркнул под калину,

Хоть давно промок.

Сидя под ветвями

Без движения,

Жалкий и непьяный

Помяну и я.

Последняя атака

Чеканит шаг. Кокарды в тульях к небу.

Перчаток белых равномерный мах.

Укрылась рожь упавшим сверху снегом,

А вдалеке маячит ель – монах.

Идем бок о бок. Два патрона в руки.

За цепью цепь под барабанный бой.

На свете вряд ли есть сильнее муки

Печатать шаг себе за упокой.

Летят колышась глаженные френчи.

Под подбородки врезались ранты.

В глазах горят усталость и презренья

Остаткам веры к образам святым.

В упор стреляют красные бандиты.

Редуют цепи. Душу тяжкий стон

Уносит в прошлое под старую ракиту,

Где нарисованных ещё не знал погон.

Один ничком упал в тысячелистник,

Другой от боли дико заорал.

И невредимым стало неприлично

Бросать на поле тех, кто умирал.

Команда: – То-овсь! И всё перемешалось.

Ура! и мат. И драка на живот.

Нас от полка десятка три осталась,

Кто не попал под красный пулемет.

Осенним днем убитые остынут.

Кровь напитает чахлую траву

Душ отлетевших невесомой силой.

И здесь цветы весной расцветут.

А нам идти на новые окопы,

Достоинством и яростью горя.

И умереть по самой высшей пробе

За Веру, за Отчизну, за Царя!

Сгораю

Пусть меня не слышали иконы,

Наживую резан пусть судьбой,

Стало горько Богу незнакомым

Угасать незримою звездой.

Потому унылою минутой
Пьян тоской пылающих рябин
Как и я без времени согнутых,
Но горящих из последних сил.

А тогда, как выпадет улыбке
Ненадолго отогнать печаль
Отрезвляют милые ошибки,
Понаделанные невзначай.

Жить пустой надеждою не ново,
Забываясь в безмятежных снах
От того, что нету в том плохого
Быть счастливым в розовых мечтах.

Крепко заболел я этой блажью.

Нет покоя от неё ни дня.

И порой становится мне страшно

От гроздей рябиновых огня.

Но всегда унылою минутой,

Окунувшись в пламенный сатин

Веток по лебязьи изогнутых,

Обессилен, будто пьяный в дым.

Так мило святое умиранье

В роковом пожарище рябин,

Что бросаюсь в жар его обманной

И сгораю без остатка сил.

А потом души растленной пепел

Воздаёт за огненный обман

Образам, которым близок не был,

И судьбе за боль глубоких ран.

Пусть немой укор лучат иконы,

Наживую режет пусть судьба;

Всё одно я Богу незнакомый

И как все исчезну в никуда.

А вы живите

Вы, верно, помните весенний сад?

Дурачась, мы гадали на монету.

Я говорил, а вы смеялись невпопад

Тюльпанов красному либретто.

Я "решки" ждал... Но выпало "орлом".

Я тяжело, а Вы легко расстались.

И долго не случалось встреч потом.

А вскоре вы внезапно обвенчались.

Как жаль, что Вы совсем ещё дитя!

Где Вам понять чужие муки,

Когда не видеть ни распятого Христа,

Ни клиньями проколотые руки.

А я истерзанных на фронте зрил.

Но всё пустое, ведь недобрый идол,

Затея на земле кровавый пир,

Христу в бессмертие путевку выдал.

И мне иное ни к чему...

Иисус за веру был распят, а я любовью.

И суждено пролиться потому

Ему давно, а мне теперь на землю кровью.

Побрившись, гордо вытянусь во фронт.

Наган уважу роковым патроном.

Затею офицерскую игру,

Как той монетой, где-нибудь за домом.

Не грех, ко лбу приставя пистолет,

Спустить курок в дурном порыве.

Чтоб эхо вскинулось тревожным: – Нет!

И вслед затаивало плаксиво.

Под стон сорвавшейся листвы,

Раскинув руки, повалиться навзничь.

И чтоб уста остатками мольбы

Печально небу улыбались.

А вы живите с черной метой.

Но лишь завидя алые цветы,

Припомните звон брошенной монеты,

"Орлом" упавшей на мои мечты.

Осени блаженство

Я многому признал несовершенство,

Хоть сам от идеала далеко.

И только тихой осени блаженство

Мне сердце сладкой болью облекло.

Ничто так глубоко не ранит душу,

Как слёзы засыпающих осин

Над золотом, теперь уже ненужным,

Пылающих смущением рябин.

И более щемящей нет минуты

Глядеть на опадающий наряд,

Как будто в сон усталостью опутан

Счастливым увязает младший брат.

Застывший взор не в силах напитаться

Стыдливостью клонящихся ветвей,

И долгий миг пытается пробраться

Сквозь сеть остановившихся теней.

Лишь теньканье напуганной синицы

Святое онемение стряхнёт,

И вдруг поймёшь, что с явью не рознится

Божественного сна печальный свод.

Как многому дано несовершенство,

Как многим к идеалу далеко,

И только тихой осени блаженство

Мне сердце сладкой болью облекло.

Однокашнику

Все в прошлом, друг, давно все в прошлом...

Спасибо, что хоть не забыл.

Ты офицером слыл хорошим,

А я карьеру загубил.

Тому вино, мой друг, причина.

Оно тот светлый господин,

Что жалует простолюдина

И всяким сбродом так любим.

Но об утрате не жалею.

И ты ушедшим не болей.

Ведь, как и прежде душу греет

В зарю поющий соловей.

Все также сыплет снег зимою,

А в дождь печалится ольха.

И кто-то с девкой под луною

Мнет прелых листьев вороха.

Ты, видно, ждешь письмом былое.

Прости, я давнее забыл.

И сон мой долог и покоен,

Когда с дружками в ночь кутил.

Ты Родиной горел на службе.

А я, куражась в кабаках,

Сменял на легких женщин дружбу

И был героем "на словах".

И только ты нелепой просьбой

Ножом по сердцу резанул.

И стало больно, будто в кости

Гвоздей каленых кто воткнул.

Прости. Надежд не оправдаю,

А боль залечится вином.

Всего хорошего! Желаю,

Одним жить научиться днем.

Родина в снах

Гулко ахнуло в стороне,

На волнах заплясала молния.

Бил поклоны чужой стране,

А во снах все касался Родины.

Трогал кудри июльских рощ.

В одурь жалился плачем иволги,

От себя убегая прочь

И стараясь прощенье вымолить.

И так сильно горел душой,

Набивая чужим оскомину,

Что метался крича: – Постой,

Отложи по изгою помины!

Не нашло – занемог родным.

Умереть закипело преданным.

На чужбине я слыл чужим,

Но и дома был оклеветанным.

Ведь не знаешь, как болен был,

Как умею любить, не ведаешь.

Понимаю, что упустил,

За мечтой безоглядно следуя.

Каясь, многого не прошу.

Мне бы только в зеленые дали

Наяву ощутить, как гляжу,

Исцеляюсь как роц кудрями.

Вдрызг упиться бы соловьем,

Жажду глаз утолить березами

И расплакаться под окном,

Под которым хмелелось грезами.

Что старался всем доказать,

Без слезы покидая Родину?

Ах! бы вовремя тех послать,

С кем в бреду клял её колдобины.

Но шарахнуло в стороне.

Роковая блеснула молния.

Пропаду, зная, в чужой стране,

Лишь во снах прикасаясь Родины.

Помолитесь ели

Небо стало хмарким,

Сердце бьет тревогу;

Нарекла гадалка

Дальнюю дорогу.

Коль судьба расстаться:

– Прощевайте, степи.

Гордым бы остаться;

Взор слезой залеплен.

Знать, поить рассветы

Из березок соком.

Знать, облают ветры

Дальнего востока.

У реки бранчливой,
Прислонившись к ильму,
Вспомню губы милой,
Как любил их сильно.

Здесь, в краю кандалном,

Здесь, в краю суровом,

Как и все опальный,

Как и все бедовый

В мраке тихоельном

Обморожу руки,

В пламени кипрейном

Пропаду от скуки.

Хоть добром помянут,

Хоть колючим словом.

Жаркий миг настанет

Вызрею готовым:

У ольхи печалюсь

Или у осины,

С болью обвенчаться

Набожной России.

Под седой луною

Помолитесь, ели,

Чтобы и за мною

Русью так болели.

Медью, клены, плачьте,

Кровью плачь, рябина,

Пусть чего-то значу

Богу не один я.

Пожелтели осины

Пожелтели осины.

Зарядили дожди.

Выгнув тощую спину,

Дремлет конь у межи.

Золотистые ивы

Разбазарили тень.

В опустевшие нивы

Грустно смотрит плетень.

Ах, ты воля вольная,

Уголок родной!

Доля подневольная,

Песнь за упокой.

Купола церковные,

В синий рай кресты.

Тайным околдованы

У реки кусты.

Вижу, жизнь-то не сахар.

Только, брат, не робей!

Коли воин и пахарь,

Так гляди веселей.

В кабаках Русью плакал

Незабвенный Сергей.

А теперь пусть поплачет

Губарев Алексей.

Ах, ты воля вольная,

Уголок родной!

Доля подневольная,

Песнь за упокой.

Купола церковные,

В синий рай кресты.

К вере некрещеные

Тянутся кусты.

Без Родины, без флага

Роса с травы опала на погоны.

Коснулась тень рассыпанных волос.

Упал солдат без возгласа, без стога.

Упал на землю, где родился, жил и рос.

Сыновнею любовью это поле

И терпким потом павший орошал.

И кожу в язвы разъедало солью

Когда он жилы не жалея рвал.

Любил он раннюю порою

Услышать пение рассветных птиц.

А этой горькою зарею

Пал без Отчизны утром в травы ниц.

Охапкой полевого цвета

Он украшал палатку медсестёр.

Но выстрел... И поэта больше нету.

Ещё одной души угас костер.

Под красным знаменем поил себя обманом.

Под триколором ложью умывал.

И застрелился из «макара» капитаном,

Когда Россию в русском сердце потерял.

Роса слезой упала на погоны.

Коснулась тень рассыпанных волос.

Сшиб слабый лист сухой хлопок патрона,

Тряхнув нахально ветви у берёз.

Окрасив облако кровавою каймою,

Душа несчастного на небо вознеслась.

А Родина холодной рукою

Прикрыла веки... И заплакал Спас.

Сон карамельный

Мне бы смерть в карамель тянучую:

Под забором замерзнуть пьяным,

Чтобы ангелы сладко мучали

И отпет был собачьим лаем.

Чтоб скулила бессильно вьюга
От того, что пропал с улыбкой.
Чтоб рыдали над телом други,
Обметая ее накидку.

И несли на погост угрюмо,
Хоть всегда распевали звонко,
Как звенела моя рюмка,
Как печалилась она
громко.

Языками чесали много:

– Не повесился, не казнили.

А в метель утерять дорогу

Да сомлел на морозе сильном.

Измотал парю снег обильный,

Затащив под сугроб глубокий.

Убаюкал обман синий,

Припорошил следов строки.

Не судили, что был безвестный,

Что поэтом себя намыслил.

И жалели, что прожил честным,

Что беззвучный скосил выстрел...

Нет желанья беспечно трезвым

Околеть, будто пес ничейный.

А зывают души порезы

Окочуриться карамельно.

Чтобы в стужу кто одинокий,

Обходя роковое место,

Прошептал через вздох глубокий:

– Спел гулена свою песню.

Над заснеженной рожью

Над заснеженной рожью барабанная дробь

Оседают пугающе гордою смертью.

Черных френчей ряды молча шествуют, чтоб

Захлебнулись в окопах немывые черти.

Локоть в локоть идём. Развевается стяг.

Не волнуются красных околышей птицы.

Запоздавший рассвет заиграл на губах,

Отпевая уставшие, хмурые лица.

Из окопов напротив нестройно палят.

Где-то сбоку трещит перегревшийся «Ма;ксим».

Не понять, кто тут грешен, кто девственно свят,

Тот в лаптях или я, в сапогах, напомаженных ваксой.

Скучный дождь омывает погоны штабным.

Без патронов шагаем, штыками осклабясь.

Строго держим ряды, только пули иных

Высекают порой комиссарам на радость.

Неупавший во ржи, вдруг, осел есаул.

И глаза убиенного бросили кроткий

Взор на небо... Прощаясь он тяжело вздохнул...

Вот и первый окоп.

Скинут рант с подбородка...

Через бруствер врага с верой и за Царя!

Краснопузая сволочь бежит и сдаётся.

И нестройное сиплое наше «Ура-а»

Убегающим в спины, ликуя, несётся.

На земле растеклась большевистская кровь.

Ругань, хрип, скрип зубов. Звон начищенной стали.

За Отечество, веру, за честь и любовь

Гибнуть и убивать мы смертельно устали...

Не Россия, не Бог не осудят орлов,

Что рубили с плеча и пощады не знали.

Тишину пулеметным огнём распоров,

Ведь и вы нас бессовестно, жадно стреляли.

Над окопом дрожит барабанная дробь,

Украшая Россию ненужною смертью.

Черных френчей остатки на новый окоп

Также молча идут, примеряя бессмертье.

Заболел

Не стереть – дурачился в погонах.

Оставляя Бога не у дел.

А сегодня словно тайный тронул

Или кто дубиною огрел.

Ранним утром рухнул мир покойный,

Я смертельно Русью заболел;

Иступленно в церкви бью поклоны,

Изливая боль души своей.

Обжигаясь праведным укором,

Льющим с потемневших образов,

Будто бы распят прилюдно голым,

Вою, но не разбираю слов.

В хрип ору: – Готов рабом смиренным

Оттирать замаранную честь,

И путем идти обыкновенным,

Если Божья воля на то есть.

Отчего бескрайние просторы

Не запали раньше в сердце мне?

Или за спиной таились воры,

Направляя не по той стезе?

Почему не угадал ошибки,

Усадив на шею Сатану?

Или заплутав в трясине зыбкой,

Не набрел на гать и утонул?

Этому б уму теперь погоня,

Да под боевое знамя встать.

Кажется сегодня я готовый
"Русскую рулетку" обласкать.

Но кого мои пустые грёзы
Запоздавшим обдадут огнем?

Станут ли мои скупые слезы
Горьким назиданием потом?

Потому стою под образами,
Влажные глаза уставя в пол,
Сил прося бессвязными словами
В Сатану осиновый вбить кол.

С жаром повторяю заклинанье:
– Кайся! Без остатка кайся, друг.

И горю единственным желаньем -

Преступить судьбы порочный круг.

Чтобы синей, облачную далью

Утолить печаль промокших глаз,

Чтоб однажды предрассветной ранью

Русским полыхнуть хотя бы раз.

Гибельной занозой в сердце встряла

Мне упорно нищенская Русь.

Захмелев, всю ее ругаю,

А напившись за нее дерусь.

Только не стереть душе былого,

Роковую хворь не одолеть...

Духу бы хватило с этой болью

Под иконой русским умереть.

Изгнанник

Томятся серые в безмолвии осины.

Январь окутал пихты синевою.

С березы ссыпался, искря, колючий иней

Ненужною алмазной шелухой.

Над белым мельтешат сорочки спины.

День месит солнце с бледною луной.

Похоже, ангелы справляют именины

Под опустевшею немой голубизной.

И сердцу чудится опасным и случайным

Ступать напрасно ветреной ногой

Теперь вот мне, как в прошлом каторжанам

Объевшись здесь безвкусною тайгой.

И самогон напитанный морошкой

Не вспенит жизнью изгнанную кровь.

Горсть княженики в нежные ладошки

Не соберёт в июль моя любовь.

Я здесь чужак, а там слыву изгоем.

Здесь будущность, там пройденного тлен.

Жизнь потрепала и таких, как Гойя,

Не раз заставив гордо встать с колен.

Так что и мне судьбе не покориться,

Пав жалким на колени лишний раз?

Вдруг, божьей милостью, сподобится случиться

Величием блеснуть, принизив вас.

В том нет вины каштановой аллеи

В грозу роняющей на лужи цвет,

Как, что и вы, презрев, не усмотрели,

Что ваш изгнанник – чувственный поэт.

Покаяние

Я теперь себя переиначу.

Бес души заметно подустал.

И глаза невольно часто плачут,

И не тот уже в груди запал.

Верно, это свыше назначенье

Резвый бег сменить на мерный шаг.

Ах, утеря буйного кипенья!

Ох, печали неутешной мрак.

Ничего на свете не оставит

В прах пропащая моя душа.

Ах, зачем так глупо сердце плавил

И пустым себя наобещал.

Пусть однажды душу растревожит

Купины Неопалимой цвет

И архангел Гавриил поможет

Замолить проделки юных лет.

А потом карает под иконой

Строгий лик за светлые грехи

И за то, что Богу незнакомым

Рассыпал талант хмельной руки.

Сам припрусь на тайное свиданье.

Сходу брошусь ниц под образа.

И для судей станут оправданием

Окаянные в слезах глаза.

Окрестив чело рукой дрожащей,

Испрошу прощения за то,

Что бузил душою в прах пропащей

И глушил веселое вино.

Неумело отпою молитву,

Каясь, что напрасным отгорел.

Что, валяясь пьяным под ракитой,

В одурь песни до рассветов пел.

Намолясь, себя переиначу

И судьбе безвольно покорюсь

От того, что никому не значат

Сердца падшего тоска и грусть.

Подходящая пора

Вам неприятен запах от шинели.

Воротит вид прокуренных ногтей.

Не дай вам Бог услышать вой шрапнели

И хрип пробитых пульей лошадей.

Обереги вас, милое создание,

От голода, от тифа и войны.

Под черным знаменем не раз я на свидание

К Харону шел под хохот Сатаны.

Но не пришлось на небеса взобраться.

И тем досаднее, что выживши в аду,

Виску придется с пульей целоваться

На ваш отказ. Но я его приму.

Свести однажды счета с этой жизнью

Октябрь подходящая пора.

Не ветренной погодой, не капризной...

Часов в одиннадцать, наверное, утра.

Когда подернет клёны позолота,

Утихнет звон прыскучего ручья,

Прохладный воздух слабже пахнет мёдом,

И чаще ластится туманов кисея.

– Денщи-и-ик, а ну подай скорее водки!

Надрай-ка, брат, до блеска сапоги...

И, захмелев, верст двадцать на пролетке,

Забравшись в дальний уголок тайги.

Освободив коня, иссечь беднягу плеткой,

Чтобы стрелой метнулся зверь домой.

И под березу твердою походкой,

Прильнув к стволу горящею щекой.

Рука привычно кобуры коснется,

Прохлада стали обожжет висок.

Хлопок... И с ветки желтый лист сорвется,

Недовисев и так недолгий срок.

Разбудит эхо одинокий выстрел.

Висок осенним кленом полыхнёт.

Упавшего, от удивленья пискнув,

Испуганная птаха помянёт.

А вы, любимое небесное создание,

Чье имя умирая прошепчу,

Простите неуместное свидание,

За упокой поставив тонкую свечу.

Воет Русь

То ли белены объелся сдуру,

То ли сбылся чей худой навет:

Вроде жив, а кажется, что умер;

Сердце не струит незримый свет.

Не колотится оно, как прежде

Утоленье в женщинах ища.

Будто кем в последние надежды

Воткнута прощальная свеча.

И рука незримая коварно

Держит наготове для меня

За года, что обронил бездарно,

Роковой огонь у фитиля.

Так и ждет безмолвная приладить

Пламя восковому алтарю,

Упиваясь легкою отрадой

Покарать ненадобность мою.

Ай, смешна, етит твою в качалки!

Есть ли, кроме Бога, судия?

Знаешь, глупая, твои потуги жалко,

Не замай до времени меня.

На худой конец сыщи такого,

Кто из скупости годки берег.

А со мной хоть в осень, хоть весною

Даже черт тягаться не берет.

А что сник печально головою -

Не утерей плачется душа.

Это Русь во мне беззвучно вост

Радости в просыпанном ища.

На исповеди

Тяжкий грех болеть, и не на шутку,

Если хворью чуткая душа,

Что в жестоком мире слишком хрупкой

Оказалась, светлое ища.

И когда болящая истлеет

На угольях грубого вранья,

Станет биться сердце холоднее,

Скроет взор густая кисея.

До слезы уже не растревожит

Злым вкусом черная молва.

Может не такой я и хороший,

Но и чей-то суд не про меня.

Пусть меня заманит мрак церковный,

Будто детства розовая ширь,

Заманив однажды в мир огромный,

Полный горьких тайн и грешный мир.

Вот, тогда молясь под образами,

Буду ждать, поникши головой,

Над собою справедливой кары

Уготованной немой судьёй.

Пусть укор сечет, как будто плетью,

Оставляя на душе рубцы.

Для того живу на этом свете,

Чтоб давились правдою лжецы.

Пусть распят израненной душою

На Голгофе тайного вранья.

Казнь святых мои грехи отмоет,

Отпустив на зависть воронья.

И уйду благословен иконой

На другую исповедь копить:

Как и прежде нарушать каноны,

Как и прежде бешено кутить.

Шепчет тайный:– С чертом поведися,

В кабаках судьбу всюю кляня,

А прощальный стих в небесной выси

Ангел пусть напишет за тебя.

Лишь когда утихнет сердца буйство

И сгорят последние мечты,

Отощавшее гульбой беспутство

Выброси у роковой черты...

Тяжкий грех болеть среди обмана,

Если хворью чуткая душа,

Если ложью оказался ранен,

Но, страдая, жил не клеветца.

Занемоглось сердцу

Занемоглось сердцу, заобиделось.

Нету звона прежнего в груди.

Видно, счастье глупому привиделось,

Только не смогло его найти.

Что ты, брат! пустое так горюниться.

Всякий знает – бедность не порок,

А мечты, что грезились, забудутся,

И в душе угаснет огонёк.

Не томись, что юное беспутство

Упорхнуло в розовую даль,

Что стыдиться станешь безрассудства,

Пряча взор за серую вуаль.

Отмахнись, что в рощах отсвистело.

Отпихни, чем в пепел прогорел.

Колотиться сердцу оголтело

Нет нужды, раз волос поседел.

Коль душа с прорехою досталась,

Что же попусту пустым болеть.

А когда затосковалось малость,

Лучше хряснуть горькой да запеть.

Мир светлее станет ненадолго.

Но и в этом малом благодать:

Отпевая светлых лет недолгу,

Слезы об утере проливать.

И не сторонись чужого взора.

Плачь пропажей, без остатка плачь.

Нет еще на свете тех, которых

Обошел вниманием палач.

Не с того ли сердцу заобиделось,

Затаилось не с того ль в груди,

Что когда-то глупому привиделось,

Будто счастье можно обрести?

Признание каппелевца

Не отнимайте рук холёных

От грубых окаянных рук.

Не отводите глаз зеленых

В надежде утаить испуг.

Я не питаю к вам плохого.

И верить в напускное – блажь.

Не время бы сейчас такое,
Так не ласкать бы мне палаш.

Но сын России при погонах

Да клятва батюшке Царю

Мне не велят притворно скромным

Плестись с молитвой к алтарю.

Я дрался. Часто без патронов,

Вцепившись в горло бунтарю.

И раны, проклиная стоном,

Давал понежить сентябрю.

И убивал. Такое время.

Но били и меня не раз,

Картечью нашу батарею

Лицом укладывая в грязь.

И только невесомый образ,

Как список вашего лица,

Хранил с терпением святого

Душой заблудшей мертвеца.

Отбросьте ложные сомненья.

А череп, что на рукаве...

Так нет вины – два сильных мненья

Увы, имеют разный цвет.

Не отводите глаз зеленых,

Не отнимайте нежных рук.

Как дорог ваш румянец скромный!

Как свеж слетающий с губ звук!

Коленопреклонен пред вами

Прошу не отказать руки.

Клянусь святыми образами

Вас вечность нежить и любить.

Ангелы запели

Юность удаляя бешеным пожаром

Пронеслась со свистом и пропала даром.

Оглянулся, сзади ничего не видно;

Подавилось сердце горькою обидой.

Комом встряла в горле жалость по утере.

На засове крепком в прожитое двери.

Грезилась ли радость,

Чудилась ли сказка,

Или взор укрыт был розовой повязкой?

Знать бы, не метался раненою птицей,

Подстрекая душу в кровь о прутья биться.

А забравшись в церковь, пал под образами

Да омыл недолгу буйными слезами.

Так бы гнулся в пояс, не жалея спину,

И творил молитву, пусть и пьян в дрезину,

Чтоб в церковных сводах ангелы запели

Чувственный акафист о моей утере.

Посетил бы тайный, с глаз сорвал повязку.

Снизошел скупую, да ненужной лаской.

Я б ему поведал о его обмане,

Затаивши кукиш в накладном кармане.

И бегом из храма в жуткую трясину

Так, чтоб стало тошно, как чертям в осинах.

И, не просыхая, так и сгинуть в тяжких,

Головой уткнувшись проститутке в ляжки.

Где вы легкие деньки в голубой оправе,

Где прогулки до зари с месяцем в упряге?

Обронил ли пьян в дугу, иль цыгану пропил,

Не упомяну, не пойму, как я всё прохлопал.

Где вы ноченьки мои сердце сладко жгущие,

Где та силушка в плечах, многое могущая?

Расплескал вас попусту, сдуру проворонил

На лугах просыпавшись бесшабашным звоном...

Исповедь белогвардейца

Вам не понять. С того не осуждайте,

Где отличить вам настоящий ад.

А понагрезилось, сударыня, так знайте,

Меня в упор случалось расстрелять.

Хоть говорить об этом нет охоты.

Но, любопытства успокоить жар,

Я изложу, как гибла наша рота,

И как с пробитой грудью я лежал.

Зардел рассвет, нас выстроили цепью.

Патронов нет. В штыках искрится смерть.

И злые лица озаряла светом

Незримой силы роковая бредь.

Команда: – В бой! Пошли на пулеметы.

Каре редет, знаменосец пал.

И лишь остатки выученной роты

Преодолели укрепленный вал.

Шаг всё скорее, ярость скалит лица.

Штыки, дурачась, разбирают жертв,

Заставив кровью комиссаров мыться

И лить на травы горький позумент.

Не хмурьте лба, не вскидывайте брови,

Что убивал и зверствовал порой.

Я дважды грел сыновнею любовью

Холодный бруствер в битве под Уфой.

Вы, милое созданье, просто жили,

А я на фронте дважды умирал.

И видел, как на поле трупы стыли,

И наблюдал агонии финал.

Имея право, не судите строго.

Не отводите взор тревожный свой.

Ведь я о вас мечтал и думал много

В боях за веру где-то под Уфой.

Уже убит, нашептывая имя,

В бреду ощупывал нательный крест.

И Матерь Божья даровала сыну

Уйти живым из проклятущих мест.

Так дайте шанс быть нежным и домашним.

Не убирайте теплую ладонь

Из сильных рук, что в схватке рукопашной

За веру дрались, презирая боль.

Дитя, подайтесь первому порыву.

Ненужный страх упрячьте под сукно.

Ведь предначертано, мой ангел милый,

Как мало знать вам в жизни всё одно.

Мне б других коней

Все на тройках летят.

Гривы с проседью. Чёсаны, мыты.

Бубенцов перезвон,

Лент игра, козлы да кучера.

А мои не хотят:

Опустив полинялые гривы,

Далеко позади

Волокут на телеге меня.

Застонал пристяжной,

На аллюр кое-как через слёзы.

Я хлыстом по бокам,

А в ответ только жалобный плач.

Но секу я коня,

Зубы скаля в бессмысленной злобе.

И не жаль мне коня...

Никогда не жалели меня.

Все вперёд унеслись.

По дороге осколками радость.

И доносится смех.

Там смеются над тем, кто отстал.

Не добраться до них.

На погоню совсем не осталось

Сил уже никаких,

Всё впустую давно растерял.

Ах, коней бы других!

Я бы тем не позволил смеяться.

И летел впереди,

Поднимая дорожную пыль.

Я бы не был так тих.

Я б кусался, лягался и дрался,

И не дал никому

Дорогих упряжных обойти.

Чем так не угодил?

От чего негодящая пара?

В общем, дрянь.

Не гнедые, не в яблоках. Не рысаки.

И лететь не хотят

Два безродных каурых, без жара.

И на впалых боках

Беспокойные ребра видны.

Наконец привезли...

В серой дымке веселая стража.

И короткое «АД» на воротах,

А дальше котлы.

Здесь все занято, брат,

Чуть левее тебе бы взять надо.

Повертай лошадёнок,

Пустуют у Бога сады.

Я давай повертать.

Только лошади, вдруг, ни в какую...

Кнут им спины в рубцы,

Так что брызнула черная кровь.

С белой пеной в губах,

Пропотевших и ржащих, ликуя

Осажу я коней

В обезлюдивших райских садах.

Осадив, закурю.

Засмотрюсь на пенаты святые.

Улыбнусь херувимам,

Согнусь перед Богом в поклон.

И негромко спрошу:

– Ваша ль прихоть, Владыче Земные,

Что внизу мы с клыками,

И веря обману живем?

В осеннем саду

У ограды просящий

Божьей милости ждёт.

Страждущий да обрящет,

Ищущий да найдет.

Поржавевшие травы,
Догорающий клён.
Тонкий месяц Лукавым
В сизый мрак погребён.

Тучи темные чаще
Высекают грозу.
Льют осинники вяще
Золотую слезу.

Не оплавит зеницы
Утихающий жар.
Пил отвар медуницы
И кипрея в угар.

А теперь не хмелею,

Воздух редок и чист.

Об ушедшем жалеет

Вдалеке гармонист.

В небе клёкот орлицы

Ворожит на судьбу:

Мир тебе под Божницей,

Упокоясь в гробу!

В позолоченной роще

Переклик звонарей.

Русь поет некрещеный

Губарев Алексей.

Н...ой

Простите, что я вас не беспокою.

Что делать – вас, увы, обрёл другой.

Вы, верно, любите его. А я того не стою -

Непризнанный поэт ведь звук пустой.

Простите; есть за что просить прощенья.

Я преступил законы естества:

Вы жаждали игры и обольщенья,

А мне претит бестактность удалства.

Я Вас люблю той тихою любовью,

Которая присуща матерям,

Сидящим в час ночной у изголовья

И глядящим мальчонку по вихрам.

Незримому счастливое не тронуть,

Не разорвать чувств искренних союз.

Когда смеются двое, третий стонет

Не смея опорочить брачных уз.

И посему, взор обращая небу,

Молю: Не знайте о моей любви....

А что я был – сочтите, будто не был,

От лишних распрей душу оградив.

Нелепую любовь мою простите,

И что не к месту так преступно тих.

Но приведётся, всё-таки прочтите

Непризнанной руки неловкий стих.

Ах, зачем гнал коня

Ах, зачем я гнал коня?

Плетью в такт стегал, что хлопья пены с крупа.

Так, что с губ тягучая слюна...

И загнал коня. Как это глупо!

Конь, мой конь с просевшей спиной,

Загнанный нагайкой, непокорный.

Нет, не отпоить тебя водой,

Не вернуть и прыти лани горной.

Не меня ты слушался, а плеть.

Дай-то волю, седока б о землю,

Не желая под кнутом лететь.

Но летел, в клочки взрывая землю.

А сейчас и хочешь понести,

Да куда!... загнал тебя хозяин.

И на бойню мыслит отвести,

Сострадания не разбирая.

Не взбрыкнуть малиновой зарей,

Не лететь тебе со ржанием над степью,

Непокорный, загнанный зверь мой

Жгучей кожаной плетью.

Ах, кандалная твоя душа!

Нет чтоб табуном гулять на воле,

Продали тебя за два гроша.

Но не знали, что ты стоишь боле.

Потому, как вор на образа,

Как ни пыжусь, всё не пересилю

Заглянуть в печальные глаза,

Что меня из под кнута любили.

Конь, мой конь, за чем я гнал тебя

Плетью в такт, что хлопья пены с крупа,

Так, что с губ тягучая слюна...

И загнал тебя... Как это глупо!

В лугу провыла тетива

И мне досталось Родины чуть-чуть.

В лугах кипрейных я был ею пьян;

Житейская разбрасывалась муть

Саранками в чарующий бурьян.

Ах, пижмовая золотая замять,

Расплавленного солнца родники!

Не это ль край, тот самый-самый,

Написан Богом от руки?

Не рвал я жил, и рук не намозолил.

И только в льнянковом плену

Нечаянной усталости позволил

Набросить эту пелену.

Не прогорая, пусто жил.

А здесь, среди душистого приволья,

Кружилась голова потерей сил,

Как после долгого застолья.

И я запоем радость пил,

У каждого своё свидание с жизнью.

Мой ангел тихо в колокол звонил,

Как в той, забытой и давнишней.

Но кто-то сдуру в разнбой

По всем семи беззвучным струнам

Шарахнул грубою рукой

И небо обернулось хмурым.

В лугу провыла тетива

И черная стрела пронзила,

Убив, наверное, меня...

Промеж лопаток, прямо в спину.

Но я успел, успел бокал

Свой осушить в лугах кипрейных.

О, Русь, прости, что я не знал

Манящий яд полян шалфейных.

Когда бы знать твоих лугов

Убийственно хмельной напиток,

Я был бы вовсе не таков

И буйных трав болел нефритом...

На смерть поэта

Здесь всё не так. Здесь принято считать,

Что смерть поэта многим будет лучше.

И норовят талантливых унять

Презренным ядом гадины ползучей.

Едва окреп, лишь крылья распластал

Вот-вот готовый взмыть к небесным тучам.

Но выстрел сделан. И поэт упал

На редкую траву гранитной кручи.

Неупокоен пулей, гордый дух

Витает, но приюта не находит.

Он, словно потерявший скот пастух,

Без устали над Родиною бродит.

Ах, как он пел! За ним уже не спеть.

Оборвалась болезненная песня.

Неумолим в желании взлететь

Он полетел бы, если бы не "если".

Да! в небесах присутствует порок.

Там не впервой печально ошибаться:

То опрокинут водоносный рог,

То меж собою примутся сражаться.

Вот кто-то сдуру саданул в колокола.

Взыграло небо, навалились тучи.

Прощальный гимн пропела тетива

Над предназначенной поэту кручей.

Луч солнца лег на эполет,

Сияя роковую полосою.

Мгновение, и лучшего из лучших нет,

Поверженного царскою рукою.

Смотрю на грозный обелиск,

На унижение властьпридержавших.

Вот он – народа гневный лик,

Предвестник молний и пожарищ!

И кто-то сверху саданул в колокола.

Взыграло небо, навалились тучи.

Упала Божия холодная слеза

На дань народа лучшему из лучших.

Всё здесь не так, и принято считать,

Что жизнь поэта будет много лучше,

Когда свинцом его талант унять

В кавказской ссылке у отвесной кручи.

Незнакомке

Ох, и стиснуло! Незадача.

Будто в гибельной топи увяз.

Глупой блажью беззвучно плачу

В глубине азиатских глаз.

Но молить: – Отпусти, – не смею.

В радость пусть и пустая боль.

Знаю, писано – не тебе я,

Но желанна мне эта хворь.

Заболеть на ветрах Анивы

Нежной грустью восточных губ

Значит, смертному быть счастливым.

Знать, Всевышний не так и скуп.

Потому под свинцовым небом

У течения Сусуи

Словно нищий, просящий хлеба,

Поднимаю глаза свои.

И неслышно скользящим тучам

Воздаю за немой обман

И шепчу: – Я богат за случай,

Что неведанной силой дан.

А потом в глубине аллеи,

Растворивши вином печаль,

Под кленовою акварелью

Закричу: – Ничего не жаль!

А что тронула сердце плачем

Глубина азиатских глаз,

Пусть считается – наудачу

Вынул козырь в последний раз.

Иные дали

Теперь внутри не то обосновалось;

Иные дали гложут душу мне.

Грызет не к женщинам неясная усталость,

А жизнь калек и нищих на земле.

Я вижу их протянутые руки,

Встречаю их немой просящий взгляд.

И к небесам:— За что такие муки?

К чему такой немислимый обряд?

Мне снятся обмороженные пальцы

И пустота оголодавших глаз,

Сидящего у церкви оборванца,
Которого встречаю каждый раз.

Но что таким потёртая монета?

А сердце не найду свое отдать,

В котором нет божественного света

И не нашла приюта благодать.

Но всякий раз промерзшему бродяге

К ногам бросаю жалкий медный стыд,

Чтоб этот грязный, нищий бедолага

Хоть на недолго оказался сыт.

Ведь так мое растоптанное сердце

Взывает к небу о твоей любви...

Но лишь случайным удастся греться

И на немного о тебе забыть.

Ночной порой в бессонные минуты

Все жду подачи, что пропащий тот.

И также рад, как он монете гнутой,

Глазам любимым, если повезет.

И от того внутри обосновались

Иные дали, что зажгли во мне

Не к женщинам неясную усталость,

А сострадание к убогим на земле.

Алешкино горе

Тот светлый и очень короткий период, именуемый отрочеством, для Алешки наступил в Отрадо-Кубанской, когда родители оставили его в станице на все лето. Из опасения за "дробненького" внучка(так на Кубани называют тщедушных, хиленьких детей) в круг местной шпаны Алешку ввела бабушка, определив в опекуны "городскому гусю" крепкого и разбитного Борьку с наказом не давать мальчика в обиду. Местная братия из озорства и, таким образом закаляя характер, просто обожала драки без всякого на то повода. Вздувшаяся губа, опухший нос или синяк под глазом у станичной пацанвы обычное, не стоящее внимания украшение. Тем же вечером сердобольная бабушка оповестила об этом свою соседку – Иваненчиху Ленку, Борькину мамку, для пущей уверенности в безопасности наследника. А потому, как Борька был на целых шесть лет старше, то он быстро смекнул, что пустая обуза ему ни к чему, и тут же сбагрил "балласт" своему младшему брату Леньке. Тот же, будучи забиякой и драчуном, в благотворительность не верил и обнаруживать в этой блажи даже мало-мальский интерес не собирался. По этой причине не менее сообразительный брательник и впарил Алешке в друзья своего ровесника Витьку Гембуха, который от рождения был слабоумным и не ходил в школу, да в довесок пятилетнего Генку Булкина. Таким образом какие-никакие условия безопасности приезжему были созданы и случись что, свалить вину было на кого. Волею судьбы Алешка оказался в самой наивыгоднейшей для новичка по-

зиции. Внешних врагов компании из трех мальчишек да на своей территории вряд ли найдись. Витька естественно был сильнее, но и отчаянно глуп. А Генку Алешка запросто мог обогнать в беге. Из этого выходило, что первого всегда можно провести, а в случае вынужденного драпа схватят второго. И закрутилось.

В короткий срок чего только не перепробовал трусоватый, но умеющий подначивать на всевозможные проделки, при этом порой лавируя на грани фола, Алешка. Уже через пару дней он подстрекнул новоиспеченных товарищей забраться в чужой сад, где вызревающие вишни уже несколько дней искушали городской взор своим аппетитным видом и тем не давали Алешке покоя. Хозяева оказались на стреме и налет с треском провалился. Генка попался первым, потому что не смог перемахнуть забор. Туда-то его посадили, а вот в обратном направлении преграда оказалась непреодолимой из-за занятости организаторов спасением собственных шкур. Пойманный тут же продал смывшихся подельников. Витьку садоводы знали как облупленного. Поэтому угрозы рассказать о его проделках родителям возымели на горе-жулика самое неудобное из всех возможных для притаившегося в придорожной канаве Алешки действие. Нужно сказать, что отец у Витьки был чрезмерно, даже болезненно строгим. Витька не без оснований боялся скорого на расправу папашу. И как ловкач ни старался из густой амброзии убедить дру-

га не бояться и не слушать сердитый вздор потревоженных взрослых, недолго подумав, Витька нехотя поплелся сдаваться в плен. Обескураженному хитрецу ничего не оставалось, как выбраться из надежного укрытия и, поникши головой, волочиться за Витькой. Зарвавшейся троице крепко надрали уши и отпустили со строгим напутствием на будущее. Этот неожиданный удар Алешка вынес и переживал ровно столько, сколько горели уши, а оправившись снова с азартом принялся шкодить. И уже чуть погодя они попались на очередной проделке. На этот раз дурню заблажилось подоить привязанного к колышку одинокого козла. Возжелал неугомонный отрок отведать дармового молочка. Страстно и неотвратно возжелал. Не имея ни малейшего понятия о различии козы и козла, он подговорил Витьку с Генкой помочь ему обтяпать это деликатное дельце. Истерику закатила баба Зина, в просвет плетня увидев мучителей с усердием гоняющих по кругу немало удивленного козла. Сполна вкусив очередных нравоучений и просидев пару дней под домашним арестом, подельники воссоединились, став более осмотрительными. Теперь из скуки они научили несмышленища Генку съедать пойманных бабочек, а Алешка, беря пример с Витьки, в короткий срок закурил, подбирая в посадке "бычки" или ловко скручивая сигарки из сухих листьев.

Чего только не выдумывал Алешка в стараниях избавиться от назойливой и всепроникающей деревенской ску-

ки, оставаясь один и томясь под монотонное клацанье ходиков. То за домом в зарослях акации сделает штаб и сидит там, пока бабушка не загонит спать; то в палисаднике из интереса посеет пшеницу; то, вдруг, начнет из глины лепить посуду и пытаться обжечь ее в костре или заберется в погреб за жабой. Подолгу мог, перевесившись в колодец, извлекать из холодной глубины эхо. Перехилится и угукает себе. А то, вдруг, высунет наружу влажмоченную белобрысую свою башку, быстро осмотрится и ругательное словцо выкрикнет в гулкую черную пустоту. Было и часами торчал Алешка у невысыхающей лужи, что обжилась на углу подле колонки. А иной раз займется дразнить ос, тыкая палкой в ихние гнезда.

Но больше всего шалопай любил в компании дружков шляться по округе и ни о чем не думать. Поэтому с самого ранья, наспех позавтракав, он отирался под Витькиной или Генкиной калитками, поджидая товарищей.

Всякий раз, оказавшись у железной дороги, гоп-компания выбирала момент и ныряла под товарный вагон. Там баловни, перепачкавшись в мазуте, старалась высидеть незамеченными обходчиком, пока состав не даст длинный гудок и станет трогаться. А как с лязгом и грохотом вагоны дернутся, ловко выкатывались из-под них. И на ток ходили несколько раз валяться в кучах пшеницы, а потом долго чихали и чесались. И, провонявшись соляркой, в тракторе ездили по по-

лю, упросив доброго дядьку покатасть их. До головной боли кувыркались в стогах соломы или подбрасывали на тропинку пустой кошелек на ниточке, чтобы посмеяться над бестолковыми старушками.

В дождливые дни охломоны сидели каждый в своем доме. В зной же частенько ходили на "ту сторону" станицы, через железнодорожное полотно, к клубу. Там у стены стоял огромный бак, куда стекала дождевая вода. В этой затхлой зеленой воде они и купались до одури, набивая шишки и стесывая на локтях и коленках кожу. А, наглотавшись до икоты вонючей дряни, уставшие волочились в посадку у вокзала, чтобы покурить. Один раз они напросились в компанию к Борьке и ездили в телеге с сеном на речку в Ольговку, что в двенадцати километрах. Это маленькое путешествие подарило Алешке неизгладимые переживания первого прикосновения к взрослению и обретению самостоятельности.

Немного погодя, шайка махнула на площадке вагона "товарняка" аж на станцию Гулькевичи и в станицу воротились уже затемно. Отведав очередного наказания они пехом на хутор Мавринский забрели из непонятной прихоти. Нравилось им болтаться где ни попадя и бездельничать. Не давал бродяжий дух им ни минуты продыху.

Как-то их, шатающихся в одной из глухих улочек, оклик-

нул строгого вида дед. Привыкшие пакостить, они было рванули наутек – так на всякий случай. Но дед докричался. Он заверил, что даст денег, если почистят ему колодец. В отличии от дурачка, городской Алешка цену деньгам знал, и знал хорошо. Он и уболтал Витьку поработать. На правах более сильного Витька несколько противился уговорам, но в колодец опустили все-таки его. На дне оказалось так много грязи, что освободились они далеко за полдень. Дед отвалил им за ратный труд аж три рубля. Это было неслыханное богатство. Витька по праву забрал деньги себе. Но совсем не надолго. Не умел Алешкин дружок считать, а Генка и вовсе не понимал, что происходит. Поэтому в первом же магазине, что у вокзала, один рубль из сдачи чудесным образом оказался у Алешки в кармане.

Витька хоть и был слабоумным, а жизнь на широкую ногу приветствовал. Купил он себе красивую белую пачку сигарет "Троя", а к ним, подавшись Алешкиным наущениям, потаявших и слипшихся конфет карамель "Сливовая". В посадке они до чертиков накурились и так объелись конфет, что, не взирая на разошедшийся солнцепек, галопом мчались к ближайшей колонке на водопой.

Выхитренный рубль Алешка истратил быстро. Уж очень он был равнодушен к драже "Фундук в шоколаде". Потому с утра, в самый безопасный час, когда шантрапа еще дрых-

нет, тосковал на углу улицы в ожидании открытия магазина, чтобы на двадцать пять копеек купить горсть искушения. Напоследок он всегда оставлял самый большой катышек лакомства и очень расстраивался, если орешек внутри толстого слоя глазури оказывался мал и радовался, когда случалось наоборот. Но деревня не город. Здесь все на виду.

– Алеша, а иде ты узял дэньги на конхвэты? – бабушке, регулярно посещавшей магазин, продавщица донесла, что Алешка зачастил к прилавку и тратится на конфеты.

– На какие конфеты? – встрепенулся, застигнутый врасплох, Алешка.

– Та на каки! На горошек у шоколаде. Той, шо у магазине вчорась вутром покупав.

– А..., – протянул он, мысленно ища подходящий ответ, – я рубль, бабушка, нашел. Железный.

Беззастенчиво врал Алешка. Но волновался, что афера со сдачей, за которую от Витьки можно схлопотать по шее, явится миру.

– Бабушка, а что!

– Та ничего особэнного, а шо утаив, шо нэ казав мине за дэньги? Витбырать бы нэ стала. Иде ты найшев той рубиль? – выпытывала бабушка.

– Я забыл сказать, – проямлил он, и тут же – Он возле тропинки, где вокзал в траве валялся.

– А шо ты до вокзала ходыв? Небось паразит Гэмбух тэбэ туды увел?

– Не-е, я сам ходил.

– А хто тибэ разрейшив одному так далеко забираться? Ще хулыганы поколотят.

Тут бабушку, подумавшую было, что деньги потерял какой-то пьяница, окликнула подошедшая к калитке почтальонша и лгунишка, все глубже увязающий в собственной лжи, был спасен. Воспользовавшись паузой, он юркнул в калитку и быстренько смылся подальше от глаз.

И все бы ничего. Закончиться бы лету. Уехать бы, повадившемуся беспросветно шалить, Алешке. Ан, нет. Есть он, Бог-то! Все на свете может преображаться. Возьми любую девку. Выползет с утра из горницы лахудра лахудрой. А полчаса у зеркала: тени, помада, лак, плойка – и совсем другое

дело. Месяца не прошло, а Алешку от местного казачонка не отличить. Волос в пшеницу выгорел, штаны подвернуты по щиколотку, рубаха на двойном узле у пупа и непременно босиком. Даже не хромает, как наколет пятку об колючку акации. Выдернет занозу, выдавит капельку крови и пошел себе дальше, а то и бегом, если, вдруг, гуляющий неподалеку бык копытом начнет пыль поднимать.

Так вот. Обычно, как стемнеет, повзрослевшая станичная молодежь собиралась за пару кварталов от улицы Октябрьской, где гостил Алешка. Гомон, свист и рев мопедов малышня слышала конечно. Было и подкрадывалась посмотреть из любопытства на сборище. Но всегда находился, кто их заметит и отгонит. Мало ли чего. Займись драке, а тут мелюзга под ногами.

А однажды соберись спонтанно толпе на углу Октябрьской, прямо у трансформаторной будки. Да много так собралось и многие на технике. Кто на "Риге" приехал, кто на "ПВЗ". У одного паренька даже мопед "Карпаты" был. Мотоциклы тоже разные были: "Ява" красная, "Минск" тоже красный, но светлее и без блеска, что у "Явы". И получилось, что малышню не отгонишь – бабушки, мамки недалеко. Пришлось компании снизить и подпустить мальцов. А те, кто во что. Витька сразу курить, Генка клянчить у старших всякую чепуху. Алешку же заморозили мопеды и раз-

говоры об них, а особенно запах. Пахло от мопедов как-то особенно. Ново пахло. Тут и пропал Алешка. Нашлось на него убийство. Особенно марка "ПВЗ" понравилась, и более которые зеленого цвета. А синие вот не так легли детскому сердечку, хотя были точно такие же. Нет, в городе у него был велик. "Орленок". Гонял он на нем чуть не до самого снега. А пропал мальчуган увидевши вблизи мопед.

Порой удивляешься, как много значит время. Не больше часа Алешка пробыл во взрослой компании, а сколько всего набрался! Узнал, мопеды все называют "моторчик", что двигатели Д4 есть, а есть Д5 и даже Д6. Что, который маркируется Д4 хоть и устарел, но отчего-то лучше новых. А заводы делать его перестали. Про различные амортизаторы также узнал, про барабанные тормоза. А также уразумел, что заводить мопед лучше с "толкача", чем педали крутить. И вообще все местные старались педали просто выбросить, а вместо их вставляли короткие трубки, чтобы ноги не на весу держать.

Про сцепление и регулировку карбюратора разговоры Алешка не совсем понял, но решил отложить это на потом. Зато "зарубил на носу" где можно разжиться дешевым бензином. Ему разрешили и он потрогал заманчивый предмет. Ручку газа Алешка покрутил запросто, а вот выжать тормоз не смог. Силенок не хватило. С этого вечера его мысли за-

нимали только мопеды. Даже остаток каникул словно испарился. А все из-за жгучего желания обрести мопед.

По возвращении в город накал Алешкиной страсти несколько поутих. Отвлекла учеба, друзья, рыбалка на море, городские интересы. А зеленого цвета мопед не оставлял Алешку и приходил к нему, хоть и в редких снах. С новой силой мечтательный жар всколыхнул Алешкино сознание на следующее лето. Так уж случилось, что его снова отправили в Отрадо-Кубанскую.

Люди порой не предполагают, как много значит год в жизни. А на самом деле это значение осязаемое. Объявившись в станице Алешка был немало разочарован. За зиму Гембух Витька вымахал настолько, что далее водиться с ним не представлялось возможным. В новом облике этот бугай мог и по шее запросто накостылять, что в Алешкины планы никак не входило. Да и подчинить, хоть и глупого, здоровяка своим интересам теперь гляделось весьма призрачным. Их дорожки разошлись. Семья же Генки Булкина переехала в другое село. Иваненкова Борьку забрали в армию, а Ленька был в длительном отъезде с отцом. Пришлось Алешке, своевременно отмежевавшись от Гембуха, приспособливаться к одиночеству. Если бы не деятельная натура и авантюрные наклонности, скучать бы Алешке. Но Алешка, беспросветно влюбленный в жизнь, этого позволить не мог. Первые пару

дней он заново обследовал округу. Оказалось, что приста-
вать и тем более лупить его некому. Станица словно вымер-
ла. По вечерам не было слышно залихватского свиста, гого-
та и криков. В общем молодежь разъехалась, а мелюзга на
смену не подросла.

Алешка с опаской, но пару раз и на той стороне был.
Даже к клубу пробрался, где с удивлением обнаружил, что
огромный бак с дождевой водой исчез, а вместо него стояла
ржавая бочка. Неделю спустя он настолько осмелел, что все
детские его тревоги растаяли, словно утренний туман. Кро-
ме одной. Нет-нет, а мимо и пронесется мопед, отчего сер-
дечко и сожмется. По этой причине открылась прежняя ра-
на. И так заныло мальчишечье нутро, равно у пропащего ал-
коголика, что нет никакого спасу. Тут-то и вспомнись Алеш-
ке железная дорога. Там, а это совсем недалеко – всего-то
дойти до конца улицы и преодолеть небольшой пустырь, ча-
сто останавливались "товарняки" груженные металлоломом.
Прошлом лето с дружками баловал Алешка, залезая под ва-
гоны и споро выкарабкиваясь из-под них, как состав тронет-
ся. А в это лето поездкам нашлось более весомое значение.
Мальчуковый взор недолог, но цепок. Вспомнилось Алешке,
что и колеса он видел в вагонных металлических кучах, и
рамы велосипедные мелькали, рули и прочий хлам.

План в горячей головушке созрел молниеносно. В три дня

Алешка уже знал что и как он будет делать. Эти три дня он безвылазно околачивался у магазина, который в аккурат на окраине посадки возле вокзала расположился. Там он дожидался оставленного мопеда и тщательно изучал его. А изучать особенно было и нечего. Свой велик он давно сам ремонтировал. Потому, как помощи от отца ждать долго, быстрее самому сделать. Он и вечно слетающую цепь отладить смог, и педали починил и во втулке с устройством лепестковых тормозов разобрался, когда они перестали работать. Камеры умело извлекал и сам латки клеил на них. В общем руки у мальчишки откуда надо росли, а нетерпение жить на всю катушку подгоняло, словно размоченные розги. По соединении этих условий и решил он сам собрать себе мопед.

Подобрать слова о том, что переживает юный воришка, соскакивая с набирающего ход вагона на серую щебенчатую насыпь, как трепещется маленькое сердечко забравшегося на вагон огольца, когда состав вдруг даст длинный гудок или его заметит сердитый обходчик возможности нет. А сколько раз Алешка прыгивал на ходу, сколько раз уже было решился ехать в вагоне до Гулькевичей, но все-таки прыгнул, сколько повытаскал он ненужного барахла из намертво переплетенных куч, сколько раз просто не хватило детских силенок извлечь так необходимое колесо или руль, знает только он один. И какая дикая обида выдавила из него долгие горькие слезы, что лето закончилось, а за сажем, где бабушка держа-

ла кабана, валялась только одинокая мопедная рама и та сияняя, известно только ему. Ничего в свете нет горше напрасных стараний.

Вроде чего еще готовить судьбе, какие испытания преподнести неугомонному отроку. Но на этом не закончились Алешкины беды. Надо было к весне случиться так, что в центре города в магазине в продаже появились злополучные ПВЗ, а Алешке, удрав с уроков, забрести в универмаг. Новенькая заветная мечта зеленого цвета вышибла из Алешкиных глаз короткие слезы. Сто четырнадцать рублей стоила мечта. Каких-то сто четырнадцать рублей и вот оно – счастье. Алешка же самое многое мог рассчитывать от родителей только на двадцать.

Может так бы и успокоиться всему этому. Улеглось бы ведь со временем. Время оно лечит раны. Так и Алешка выздоровел бы в конце-концов. Не тут-то было. Случись, как на зло, общешкольному собранию. Алешка такие мероприятия старался не посещать, только чтобы держать марку неподдающегося воспитанию обормота. А тут улизнуть не удалось. Проворные комсомольцы из старших классов умудрились зажать всех охломонов и силком затащили в спортзал. На беду разговор был о летнем трудовом лагере.

Поехал бы Алешка собирать овощи? Жди! Он лучше на

рыбалках пропадать будет. От дома до моря рукой подать. Но тут завучка торжественно объявила, что кто из участников в каждой группе станет победителем, а именно сдаст приемщику больше всего продукта, получит премию в сто рублей. От этой новости Алешка аж онемел и перестал дурачиться, чем в обычности занимался безостановочно. Вышло, что всего июль провел в лагере и получи сто рублей. Останется у родителей четырнадцать рублей выпросить и всего-то. Не совсем веря, что дело собственно можно считать "в шляпе", Алешка без конца приставал к "классной".

– Елена Михайловна, а правда премия за трудовой лагерь будет сто рублей?

– Правда – заверяла учительница химии, будучи классным руководителем.

– Это точно? А всем победителям дадут или только одному? (Если всего одному, то шансов нет. Достанется какому-нибудь комсомольцу или как обычно вожатому).

– Да всем, всем. Завуч же сказала, что принято решение дать премию победителю в каждой группе.

– Елена Михайловна! Елена Михайловна! А сколько человек в группе будет?

– Да что ты пристал. Приедешь в лагерь там все скажут.

– А точно премия будет сто рублей? Точно? – не совсем веря свалившемся счастьем продолжал приставать Алешка.

– Точно-точно – добро рассмеялась учительница.

Как нужны были мальчишке сто рублей! Кое-как Алешка дождался отправки в трудовой лагерь. Лагерь организовали недалеко от города в совхозе "Мичуринский". Всего-то километрах в семи от окраинных городских домов.

По приезду распределили учеников по группам и снова провели долгое собрание. О том, что так волновало Алешку говорили уверенно и сумма премии и условия ее получения не изменились. Победил – получай награду. Подробно рассказали о режиме, гигиене и призвали к соблюдению дисциплины, особенно в летней столовой. Ко всему оповестили, что задача присутствующих собирать на поле созревшие кабачки. И со следующего дня соревнование началось. Каждому выдали ведро и после завтрака вывезли на поле. Обед прямо на поле, и только вечером обратно в лагерь. И так каждый день. Хоть среда тебе, хоть воскресенье.

Алешка мгновенно переменялся и переменялся до

неузнаваемости. Дружки дурачатся, зазывают отлынивать от работы, всячески искушают. Алешка на них ноль внимания, он работает. Даже курить бросил. Напропалую работает. Ничто его не отвлекает. Руки исцарапал о колючие стебли кабачка, росой до колен промочил ноги, в кедах жижа, искусан комарами, дышит как паровоз, таская тяжеленное ведро. Одноклассники смеются над ним, а он вкалывает себе. Из последних силенок карабкается к намеченной цели. В обед все медленно кушают. А он глотать-глотать, и в поле. Где им несчастным знать, как Алешке этих сто проклятых рублей надобны?

Все в посадку уйдут передохнуть, а он на солнцепеке продолжает кабачки таскать к куче. И при том ревностно следит приплюсовал ли учетчик сданное им ведро. Многие хитрят. Подойдет подобный деляга к пункту сбора, покажет ведро с кабачками. Учетчик поставит "плюсик", а мошенник кабачки не высыпет из ведра, а постоит в сторонке, потрется среди сдающих собранное и снова к учетчику с тем же ведром. Алешка нет. Он по-честному потом обливается. И не просто, а всё бегом по полю носится. Сердце на жаре из груди вылетает, ноги гудят, а он бегом да бегом, без остановки. Да еще не дай Бог визнает, что у кого-то на ведро больше на учете окажется стоять. Тут не остановить бедового. Не успокоится до тех пор, пока больше всего за ним ведер не будет. И так до самых сумерек. После ужина ему не до развлечений. На ве-

черной линейке стоя засыпает. В кровать замертво валится.

Первый звоночек прозвенел спустя полмесяца. В лагере состоялось очередное собрание и были оглашены предварительные итоги. Несколько странным оказалось, но Алешка в представленных галдящему на все лады сборищу лидерах свою фамилию не услышал. Его волнений в эти минуты не описать. Едва дождавшись окончания линейки и будучи прямолинейным, он побежал к старосте в остром желании прояснить ситуацию. Тут битню судьбы несказанно повезло. Ответственный староста не поленился и позвал учетчика с табелем. Изучив документ, он заверил, что Алешка действительно в группе лучший, обвел его фамилию и пообещал разобраться, почему про Алешку забыли. А пока похвалил мальчика и сказал, что темп сбавлять нельзя, а даже желательнее постараться работать еще усерднее.

– А премия сто рублей будет, да? – не преминул уточнить Алешка.

– Да сто, сто. Иди, мальчик, работай...

Непоседливым был Алешка и бесшабашно буйным в за-
теях. Этого не отнять. Но был и простофилей, каких не сыс-
кать во всем свете. И о хитросплетениях, низости отноше-
ний среди людей, о самой жизни и подлой ее подоплеке еще

ничего не знал. Про активистов, подхалимов, хитрецов и то, что лавры только для них предназначены понятия не имел. Наивен был Алешка, прозрачен. Поэтому окрыленный обещанием старосты с двойным усердием ввязался в завершающую фазу битвы за желанный приз. И выиграл ведь! Последние силенки положил на поле, а выиграл.

Самым тяжелым выдался последний день работ. Уж и побегал тут Алешка, волоча тяжеленное ведро. Даже пару раз шлепнулся. Дело осложнялось тем, что в этот раз рядок ему выделили самый дальний и приходилось перескакивать множество чужих рядков. Но это распределение было справедливо и Алешка не противился судьбе. Ему было невыносимо тяжело бегать на такие расстояния. Накопилась общая усталость, поэтому аж голова кружилась у мальчугана от навалившейся слабости. Но и в этот день он все-таки принес учетчику больше всех ведер с кабачками. Помогла смекалка. В ведро вмещалось три – четыре кабачка. Еще два Алешка совал в подмышки и по дороге где-нибудь клал их между рядками на землю. Сделав несколько таких ходок он значительно выигрывал во времени, подбирая и сдавая заранее заготовленный овощ.

Беда случилась в день отъезда на заключительной линейке. Да еще какая беда! Трагической развязки ничего не предвещало. Все шло своим чередом. Алешкино горе грянуло,

как гром среди ясного неба.

После подведения итогов началась торжественная часть. Перед всем лагерем вывели победителей. Было празднично и честно. Старания Алешки не прошли даром. Он заслуженно гордо стоял среди победителей. Лучших вовсю хвалили и поздравляли с достижениями. Правда не заметили, что Алешка сдал ведер и больше любого победителя. Не обратили внимание и на осунувшееся, потемневшее от загара Алешкино лицо. Но эта мелочь против того, что его труд все-таки заметили и оценили. Все это время счастливец терпеливо ждал, когда же начнут раздавать премии, думал об оставшихся двадцати рублях и был опьянен радостью.

И тут мир раскололся. Завучка, та самая завучка, которая прилюдно обещала победителям премию в сто рублей, вдруг, объявляя фамилии победителей говорила: – ... награждается почетной грамотой и премией размером в три рубля. И все дружно этому аплодировали.

Земля ушла из под ног призера, а слезы прям посыпались из глаз несчастного. Большая страна, содержащая на своем загорбке несколько стран, пускающая в космос корабли и строящая огромные лайнеры не сдержала своих обещаний и убила ребячью мечту. Не смогла она найти в своих закромах каких-то ста рублей, обещанных ста рублей для детского

счастья.

Алешка, ревущий взахлеб, не стал ждать ни жалкой по-
дачки, ни конца дурацкой линейки, даже не зашел в сырой
барак за зубной щеткой и полотенцем. Не откликнулся он и
на завучихино: – Мальчик, что случилось? Ты куда?

Он, рыдающий, с исцарапанными по локти руками и в
расчесанных комариных укусах, чуть не бегом пошел прочь
из ненавистного лагеря и все семь километров ревя в голос,
проклиная завучку, Елену Михайловну, старосту и кабачки
шел домой, в бессильной злобе рубя палкой придорожный
бурьян.

– Сто-о-о рубле-е-ей! Сто-о-о-о рубле-е-э-э-эй! – беспре-
станно всхлипывая подвывал несчастный, размазывая на ще-
ках грязь со слезами и вытирая рукавом сопли.

– Ы-ы-ы-и-и, сто рубле-е-ей, – скулил он, – обеща-а-али...
Га-ад-ы-и-ы...

Даже когда его нагнала машина и какой-то обеспокоенный
взрослый пытался с ним заговорить, он, еще горше разры-
давшись из жалости к себе и от накатившей обиды, юркнул
в посадку и удрал от преследователя.

А за август он повзрослел. И до самого выпуска из школы никакие уговоры, никакие посулы, увещевания и угрозы не допустить его к занятиям, не принять его в комсомол, ни даже мольбы мамы, не знающей истинной причины сыновнего бунта, не смогли сломить восставшую волю, пустившие корни ненависть и внутреннее неприятие к обманщикам, чтобы снова хоть раз позволить загнать себя в трудовой лагерь. В этом он остался непреклонен.

Fenix

– Понимаешь ли ты, как страшна загадка жисть наша, ась? Всю объему ейную определил ли, обнаружил днищу в потаенной ее глубине? Али пока нет? – шепелявил дед Никифор, буравя Петьку, слезящимися глазами, в одном из которых поселилось бельмо уже довольно напоздшее на зрачок, – Тото. А тогда к слову равнодушен с чего?

По обыкновению Никифор с зари торчал на лавочке у подъезда. Это насиженное местечко эксплуатировалось закоренелым тунеядцем нещадно.

Петька же, не зная, что и сказать престарелому бездельнику и более – бывшему уголовнику, вроде, как онемел. Дыхание его невольно затаилось, и он молчал, все глубже погружаясь в наваливающуюся скуку. Расположения к беседе

с Некешой (так тоже часто называли прилипалу) Петька вообще не имел. К тому времени оказалось настолько ранним, что многоэтажный дом городской окраины еще спал. И только где-то вдалеке, со стороны проспекта нет-нет, да уркнет редкий автомобиль. Но когда подвыпивший старожил захваченного беснующимся травостоем обдала окликнул пробирающегося домой Петьку, тот безропотно присел на скамью. А что не присесть, когда суббота зарождается. Всё одно трепач не отстанет.

От Никифора невозможно разило спиртным, потому как пил Никифор заведенным порядком – каждый Божий день. На районе даже прижилась молва, что глотка у лодыряги луженая. Клубящийся над лавочкой дух был настолько крут, что Петька невольно поморщился и еле сдержал подступивший чих.

Будучи под турахом, пустобрех непременно цеплялся с болтовней ко всякому, кто послабже волею или покладист характером. Потому обыватели, зная о препятствии, старались пулей прошмыгнуть в подъезд. Петька, если и представлял из себя что-то, то это определить можно было выражением «ни то, ни се». Нравом парень не вышел, в противность Нинке, с недавнего времени считавшейся его пассией. Вот та бестия, не сказать крепче, оказалась норовиста. Чисто дикая кобылица. Через врожденную свою простоту и

слыл парень подкаблучником этой лахудры и легкой пожи-
вой для мимолетных дружков в сомнительных делишках. Из
этой малости он и состоял на учете в полиции, после гром-
кого скандала о разборке автомобиля. Знакомый попросил
Петьку подмогнуть в гараже. Тот, не долго думая, согласил-
ся. Денег за работу простофиле дали без обману, а машина
оказалась угнанной. Еще легко отделался.

Пользуясь бесхребетностью "пациента", матерый выпи-
воха без усилий ухватил «жирного карася за жабры» и начал
осаду.

– Я, малый, вот собственно о чём..., – начал монолог Ни-
кифор, – слышь?

– И дернул же меня черт свернуть именно на эту сторо-
ну! – корил себя Петька, – Нет, чтобы обыкновенным путем
пройти, так приспичило зайцем петлять. Будто бы не знают,
что от Нинки волокусь. А теперь, вот, не меньше часу поте-
ряется на пустое. И этот тоже – кака страшна жисть... На
дворе двадцатый век хвоста отбрасывает, машины вон ино-
странные снуют, а он – кака, ентот. Тьфу, тоже мне лингвист
хренов! Хранитель мертвечины. А еще сидел. Ему бы «Фе-
нины» глаголы разливать, а он нахватался где-то дури, нако-
лупал артефактов и донимает всякого ненужностью.

Между тем, не дождавшись ответа, дед твердо продолжал свою линию.

– Я тебе, Петенька, че скажу. Ты ток того, внимай по-су-рьезному, – прошелестел он, закуривая.

– А на шо оно мне? – вырвалось у парня само собою.

– Это как! – встrepенулся "репей"(негласное прозвище нудного дедка), забыв на мгновение о сигарете, и невольно подобрал грязнющие ноги, которые обычно от посторонних глаз не прятал. – Ты, брат, не того! Никифор пустобрехом никогда не значился. У меня завсегда дельное на языке вертится и покою не дает – суть бытия, ежели так можно выразиться. Наву-ука, – поднял он вверх не менее грязный, за-скорузлый палец.

– А че пристаешь тогда? Де-е-льное, наву-ука... Еще руку подымает. Кушай свое дельное на здоровье, что других в это путать? – сказал Петька, подметив движение ногами собеседника. Петька и сам редко мыл ноги. По приходу домой бухнется на диван и часами шерстит приложения на смартфоне или зависает в чатах. А навались сну, так он скинет несвежие носки, не подымаясь, зашвырнет их в угол и на бок. А утром не до туалета. Куда-а... Мать едва растребушит за-соню минут за пятнадцать до начала рабочего дня и он скач-

ками на частную металлобазу, где, как уже год слесарил. И так изо дня в день. Но вид Некешиных ступней вызвал у него острое желание принять душ.

– Да как же без разговору-то, помилуй Бог! Ты, паря, шибко не туда гнешь, однако. Старших-то уважать надо, али нынче в школе подобной малости не учат.

– Ага, в особенности пьяных уважать учат, которые туда гнут.

– Че ты взъелся? От Нинки, чай, крадешься? спровадила, никак? так я тут при чем? То ваши дела, и не ерепенься заранее, Петруша.

– Не спровадила.

– А что не в настроении? не справился? осечка? хе-хе-хе... плюнь, бывает... Ну-ну, дело молодое, но это давай-ка в сторону. Я, ведь, дурья твоя башка, желаю наметить твоему недозревшему разумению весьма нужную директорию. Базис, так сказать, оформить – Никифор, конечно, догадывался, что его недолюбливают, но считал, что это по мелкости людского ума выходит, – вот в чем дело-то.

– Очень интересно, прям спасу нет.

– А ты, Петенька, не обособливайся. Вникни изначально, усвой хотя бы половину, а после ужотко ерничай.

– Э-э-ээ... В особенности «ужотком» проникнуться.

– Ну, прям вылитый ерш! Но, ладно, все одно примешь, вот в чем дело-то. Вот слухай, Петя...

И тут понесло говоруна. Залился в гармонный перебор об соседях по двору да про залетных. Всем кости перемыл, всех уважил вниманием и критикой поэтажно и поквартирно. Власть упомянул от большого душевного к ней проникновения. Вкривь и вкось разделал ее, заразу. Как же без власти-то в разговоре! Доклад сухим выйдет, совсем без весу. А без весу пропаганде нельзя. И где только выучился такому старый пустозвон. Вроде, кто зону примерил, не здорово-то разговорчивые. А Никифора не заткнуть. Вот и в этот раз разные разности в одну кучу собрал. Да так ладно, будто эта чепуха значения не меньше военного донесения особой важности.

Петька отчаянно хотел спать. Но, повинувшись глупому положению и рассеянно слушая стариковские бредни, длинно зевал и одновременно слагал в уме особую математику. Занимала его случайно увиденная три дня назад в хозяйствен-

ном магазине чудная вещичка. Даже ночь с Нинкой не выветрила из головы мысли о ней, так крепко засела.

И вроде ничего особенного. Портативная газовая плита для туризма, и всего-то. Аккуратненькая такая штуkenция насыщенного красного цвета. От баллончика работает. Защиты в ней разные, сообразно требованиям безопасности, как и положено, соблюдены. Угар дает малый и прочие технические премудрости внедрены. Да, вот еще – броская надпись «FENIX» была на самом выгодном месте – глаз не оторвать. Вот только смушал ценник, на котором жирным фломастером старательно была выведена сумма в одну тысячу двести рублей.

Так бы и ничего. Сойти бы недоумению с рук будь это годом ранее. Не без "оговорки", но выкупил бы Петька так понравившийся предмет. Да надо же было случиться так, что финансовые дела Петьки «пустил под откос» разбушевавшийся кризис. Провинциальное городишко не просто увяз по уши, а агонизировало в непроходимой нищете и буквально издыхало на глазах. Работы не было, а которая и предлагалась в смысле зарплаты равнялась насмешке. При этом отвалить аж тысячу двести рублей было самоубийством. А тут явись сердцу забота такая. Потому Петька и раскидывал умом, как выкрутиться из столь щекотливого положения. Дебетовая статья давно приказала жить, а заначек на черный

день Петька держать не умел.

– Да на што мне сдалась эта штуковина? – задавал он себе вопрос в успокоительной форме, – эка невидаль! Я не турист, не рыбак и не охотник. И тут же: – Да-а-а... вещь хорошая, сработана на совесть. Испробовать бы ее на природе. Воды вскипятить, к примеру, или яишню зажарить, – изводил себя Петька. – Жаль дороговато. Тыща двести! И за что! Ерунда туристическая. Весу всего-то не больше одного кило. Пару раз попользуешься и забросишь, а стоит, будто что дельное. На ветру наверняка гаснет. Бросовая штуковина, ненужность. Мда-а-а.. Красивая, конечно. В изящности не отнимешь. Другие против ее линий грубы, что увалень рядом с балериной. И окрашена, черт ее возьми, качественно... Работает вот от баллончика. Одного аж на два часа хватает. Всем хороша!

К тому времени Петька уже успел примелькаться в промаге. И всякий раз, подойдя к стеллажу, не отлипал от дразнящего нахлынувшие чувства изделия... И так посмотрит вещицу, и этак. То крышечку откроет, то краник туда-сюда покрутит. Иной раз пьезоэлементом пощелкает, разглядывая искру. И внутрь, найдя щелочку, тарашился не раз, и незаметно пытался ногтем краску сколупнуть. Нравилось изделие Петьке. Ох, как нравилось! Все нюансы высмотрел в нем. И клапанок защитный обнаружил, и что цанга пласти-

ковая, а не из металла сработана. Окончательно попал малый. Помешался.

– Петька, Пе-етька! Приснул что-ли? – толкнул его в плечо Никифор.

– Не-е.

– А че тады молчишь? Онемел? Я тебя в третий раз спрашиваю, ты смотрел в новостях, что на Украине власть ихняя вытворяет? Нет? Так слухай, – давай дальше «мести пургу» Никифор.

Действие профессионального бездельника несколько отвлекло Петьку, на какое-то время отведя думы в политическую колею. – Украина, – про себя говорил Петька, – на хрен она мне сдалась и все что там вытворяют. Там вытворяют, а здесь, значит, розы нюхают? Че-то за двадцать лет ничего не изменилось, а только хуже и хуже с каждым днем становится. По телеку только и слышно – ракета у нас самая скоростная, самолет лучше всех мире, та-а-анк. А по соседнему каналу тут же скулят, мол, такого лекарства для лечения ребенка в стране нет, давайте сбро-о-осимся. Народ стал, что те цыгане. Пожары погасить не можем, целые районы позатопили, жильё по всей стране обветшало, а Украину обсераем. Киев покажут, а там жизнь, как жизнь. Хронику бы осады Ленин-

града сначала посмотрели. Вот там действительно дело обстояло хреново. Покойников на санях таскали, вдоль заборов мертвецы, краюшка кислого хлеба на сутки... А о Киеве ничего подобного не скажешь. Машины потоками прут, асфальт хороший, люди улыбочивые ходят, много и с колясками. Что ж там плохого? А тут плеваю забаву человек не может позволить себе купить. В этом месте, будто околдованный, Петька снова вернулся к обжигающему желанию обладать плиткой.

– Может микрозайм взять? В окошко залогом паспорт – тебе оттуда три тыщи. Тут его увлекла занимательная калькуляция.

– Это если тыщу двести отнять из трех, остается тысяча восемьсот. Баллончик газа стоит шестьдесят рублей. Допустим, для начала приобрету парочку. Или нет, три. Два, наверное, маловато. Один ведь, как пробный будет. Сразу весь баллончик должно быть не стот жечь. Кто знает, выдержит ли пластик цангового крепления. И не написано термостойкая это деталь или нет. А примериться к аппарату надо бы. Три не стоит брать. Двух вполне хватит для начала. Если же взять баллончики те, что по сорок пять? В девяносто рублей обойдется испытание. Нет. По сорок пять брать не нужно. Вещица нежная, мало ли. Вдруг там газ плохой закачали. Забьет сажей топливную трубочку и хана. Трубочка то-

ню-юсенькая... Нет брать надо только хороший газ. Остается тыща и к ней более шестиста рубликов. До аванса – неделя. Тыща шестьсот делим на семь. Сколько получается? Правильно – двести пятьдесят. Если пораньше вставать и на работу пехом двигать? Нормально. Пивко на выходные, как с куста..., – складывал Петька удачную судьбу.

– Оно, конечно, по карману здорово лупанет. Нет, не бьет. Процент неподъемный. Шкуродеры! Да и коллекторы заму-чают. Взял три, через неделю отдай шесть. Аванс всего пять. Не бьет, не бьет. Что же делать? – мучился страдалец, ища спасительную лазейку, А взять и не оплатить за электричество? Ну, отключат свет и что такого. Пока лето можно месячишко и потерпеть. Фильмы и на смартфоне сойдет зырнуть. Газ и воду все равно ведь оставят. Организации разные и прав нет таких, чтобы за один долг сразу всего лишать. Да могут и не отключить. Это неплохая идея! Другие по году не платят и хоть бы что. А тут, подумаешь, одна неуплата. Нет, и этот расклад не в дугу. Мама расстроится и обязательно поперется к соседям унижаться, чтобы занять денег. Че же делать? Э-э эх, жил бы вот один... Или незаметно все-таки взять отложенные деньги, а там хоть потоп... Один раз живем. Не выкупишь сейчас, потом такой могут и не завезти.

Тут из оцепенения мечтателя вывел Некеша, зло трясущий Петькино плечо.

– Малый, да что с тобой? Я тут распинаюсь, понимаешь, на всю катушку, а ему хоть бы хны! Петруша, случилось че? – сверлил глазами Петьку старик, – так ты излей душу, полегчает.

– Да отстань ты, заноза. Ничего у меня не случилось.

– Не-ет, дружок, меня не проведешь. Не женитьбой оболел, бедовый? А что, Нинка девка видная. Ей токо перебежаться и как за каменной стеною будешь. Токо потерпи малость. У баб часто такое – оторва, а набесится и лучше спутницы не выискать.

– Пойду-ка я, наверное. Спать охота.

– А-а, вона че. Ну ступай, ступай себе, сынок.

Петька поднялся со скамейки, отряхнул штаны, сладко потянулся и растворился в подъезде.

А уже через минут десять выскочил обратно и скорым шагом направился через пустырь в сторону проспекта по натопанной тропке.

– Петька, куды рванул? – окликнул его приподъездный за-

всегдайт.

– А, – отмахнулся Петька.

– Что происходит с мальцом? Будто тетива натянут. Не отчебучил бы чего... – на мгновение промелькнуло у Никифора, но только на мгновение, потому и осталось без ответа. Его внимание отвлекла пьяная тетка Дуська и такая же ее подруга, внезапно нарисовавшиеся у скамьи и не с пустыми руками. Дуська под села к Никифору и, заговорщески подмигнув, просипела беззубым ртом: – Некешинька, похмелимся?

Ее подруга, также беззубая, покачиваясь, стояла рядом, похабно корча из себя принцессу. Ног она тоже не мыла, видимо не считая туалет этому предмету важным.

Тут же на скамье чудесным образом возникла поллитра и к ней пара соленых огурцов на изнахраченной салфетке. В компании горькому пропоице стало совсем не до Петьки, который, к слову сказать, в это мгновение с осоловелыми глазами выбивал в кассе проммага чек в одну тысячу триста шестьдесят рублей. И при этом, хоть и глупо и широко улыбался, нежно прижимая к груди картонный кейсик словно малого дитяню, но все же, будто чего совестясь, старательно прятал глаза.

Опоздавший ангел

Каким «макаром» прилипла к дураку эта кличка уже не выяснить, хотя поискам истины я жертвовал некоторое старание, не давшее не то что результатов, а даже всходов. У русских так уж принято: идут двое, к примеру, по улочке Ей-ска и вдруг один спросит, указывая кивком подбородка на незнакомца: – «Слышь, а чё это за урод хилает?», а спутник ответит: – «Ты чё, не знаешь? это же Копчёный с Балочки!», на что первый протянет многозначительное: – а-а-а... , что верно означает – ну Копчёный, ну с Балочки, ну и Бог с ним. А чего именно Копчёный уже никого не интересует, так как разговор, вдруг, соскользнет в сторону.

Потому я решил не тратить сил и времени, руководствуясь не требующей доказательств аксиомой «гематоген – он и в Африке гематоген». Но давайте по порядку.

Тот год на Дальнем Востоке брёл наперекос привычности: декабрь только-только начался, а морозы, даже для этих мест, ударили нешуточные; народ перестал обращать внимание на детский лепет президента о благосостоянии и с при-сущим ему азартом ринулся нищать; бабы перестали рожать; осенью на нерест в Амур не зашла красная рыба; новогод-ние подарки значительно потеряли в весе, хотя цена набо-

ров несколько превысила прошлогоднюю; черная икра теперь обнаруживалась только на депутатских бутербродах. Да что говорить – луна и та откровенно маялась дурью. Выплывая из-за сопки огромным оранжевым пятном, уже спустя час она теряла вызывающий медовый окрас, значительно уменьшалась от чего и становилась похожей на потёртую рублёвую монету.

Одна из окраин города, среди жителей известная, как «аул» также не избежала грустной участи дивных перемен – распоясавшаяся цивилизация неумолимо вонзала свои безжалостные когти во все притоны отчизны, а беспечный капитализм разводил на постсоветских просторах незаживающие язвы. От этого некогда великая Родина имела тот вид, который имеет изъеденная оспой пропитая рожа слесаря процветающего ЖКХ.

Нужно отметить, что и сам дальневосточный городок, многолетними махинациями предыдущего мэра давно отбившийся от стада, отошал и представлял собою жалкое зрелище. Градоначальнику, сменившему предшественника, ничего не оставалось, как констатировать своё бессилие перед разрухой и продолжать великое начинание удачно смывшегося от правосудия деляги – раскрученный маховик финансовых афёр могли остановить только расстрелы, а этому методу воспитания очень противилась благочинная католиче-

ская Европа. Потому местный прокурор был глубоко апатичен к окружающему и давно пребывал не в настроении, из-за чего не стесняясь брал мзду, покрывая расхитителей и, на всякий пожарный, "сидел на чемоданах".

Ныне статус упомянутых живописных трущоб здорово пошатнулся, а в свое время «аул» гремел на всю округу, имея выгодное стратегическое расположение: ухоженной стороной он примыкал к главной городской улице; левый и правый его бока терялись один – в частном секторе, другой – где-то в парке у танцплощадки; криминальная же его сторона была обращена к северу и отделялась от мира непроходимыми зарослями пыльного кустарника, который и вносил весомую лепту, давая обильную пищу неисчислимым оргиям целой оравы хулиганов и потворствуя чревоугодию Гематогена.

Чтобы умерить гражданское любопытство в этом месте, наверное, стоит остановиться и перейти к образу Гематогена. К оговоренному времени Гематоген уже десятка два с лишним лет слыл визитной карточкой маленького бандитского анклава, пугающего законопослушных граждан. На «ауле», да и во всём городе не без основания его считали законченным идиотом и откровенно боялись. Даже соседи предпочитали лишний раз обойти его стороной, чем связываться с

НИМ.

Это был очень сильный дебелий верзила с воловьими глазами и тем бессмысленным взором, который можно приписать, правда, с некоторой оговоркою к «киркоровскому». Его нос чем-то походил на нос Майка Тайсона, но был более мясист, а рот напоминал распахнутый трюм баржи. Можно сказать, что у Гематогена было всё, что нужно простому обывателю, прожигающему жизнь без остатка, за исключением самой малости. Никто и никогда не замечал, чтобы на правом его плече устроился некто с нимбом над головой и крылышками, даже когда он часами валялся под деревом в стельку пьян.

Круглый год упырь носил зимние ботинки без шнурков, доставшиеся ему в наследство от уголовного элемента с именем Степан и одно время открыто жившего с его матерью. В праздники он напяливал на себя бордовую сорочку испещренную черными треугольничками, которую по случаю подарил ему дядя Петя, какое-то время посещавший его мамашу, но уже после исчезновения Степана. И хоть сорочка никогда не стиралась и была несколько маловата рослому балбесу, Гематоген устоявшейся традиции не изменял и каждый праздник выглядел нарядно.

В отличие от «ильфпетровской» Элочки он обходился

всего десятком слов и таким же количеством неопределенных звуков, потому любой сразу определял в нём много животного и очень мало мог обнаружить человеческого.

Характер любого индивида формируется под влиянием многих факторов, что особенно заметно в детстве. В нашем случае на героя ни одно из условий, оказывающих на других детей часто тлетворное и редко иное влияние, не действовало. Гематоген развивался сам по себе по одному из незатейливых биологических алгоритмов, нахально втиснутым в его гены бесшабашным и малонравственным папашей.

Особенно это бросалось в глаза, когда можно было наблюдать, как дети охотятся на бабочек. Пацанва весьма изобретательна в ловчем деле. Любой из них сначала сломит ветку попушистее и постарается ею сбить порхающее насекомое. Но вскоре убеждается, что сжатый воздух при ударе отбрасывает легкое божье создание в сторону и оно, как ни в чем не бывало, преспокойно удирает от преследователя. Тогда малый обязательно обдерёт с ветки листья, что тут же принесёт охотнику желаемый результат, который толпой домучивается у песочницы.

Гематоген же с мальства был прост, как трёхсантиметровый отрезок из учебника геометрии за седьмой класс. Бабочек он ловил своеобразно. Как правило, воодушевлённый

балбес подбирал с земли увесистый дрын килограмма в два и гонял бабочку до тех пор, пока та либо терялась из виду, если очень повезет, либо обессиленная не рухнет в траву. Которую упала, вконец изможденный погоней и с пеною на губах Гематоген равнодушно растаптывал, выказывая самую дьявольскую при том улыбку...

В былые времена тугодум не бедствовал и жил, как говорится, от пуза. Добывать достойное пропитание ему помогала северная сторона и неприметная вдоль неё тропинка, в жару пользующаяся спросом у населения, потому особенно вольготно Гематоген чувствовал себя летней порой. Растворившись в непролазных куширях, Гематоген подкарауливал неосмотрительную жертву. Как только «заблудшая овца» подбиралась к зоне досягаемости татя, тот набрасывался на неё, хватал за шиворот, хорошенько встряхивал и произносил: – Ну, ты, это... давай.

И жертва, тут же поняв, что от неё требуется, впадала в панику, начинала плакать и послушно расставаться с карманными деньгами. Были случаи, когда добыча пыталась противиться чужой воле. Тогда налетчик сначала оглушивал, а затем равнодушно забивал непонятливого до полу-смерти, после чего у бездыханного ослушника изымал все носимые ценности. Бил Гематоген провинившегося с остер-

венением, долго и наотмашь. И каждый удар по силе равнялся удару оглоблей. Потому, что такое получить сдачи Гематоген прочувствовать на своей шкуре ни разу не удосужился. По окончании избиения он обязательно смачно сплёвывал на поверженного зеленый сгусток.

Как это ни странно, а жертвами Гематогена в большинстве своём были люди среднего и преклонного возраста; более юркая молодёжь зачастую умудрялась выскользнуть из цепких лап юродивого, а эти убежать стыдились. Потому ближайший ГОМ с завидной регулярностью отправлял следователей в больницу снимать побои, фиксировать сотрясения мозгов, переломы рёбер и брать показания от пострадавших.

И, хотя разбойник был частым гостем в камере временного содержания, ему сходило с рук. Сначала милиция, а вслед и полиция по заявлению очередного покалеченного с усердием брались за дело. Но промучившись два дня, вынужденно отправляли Гематогена на обследование в психушку. Там арестованного невменяемым не признавали (по городу упорно расхаживал слух, что доктор, в свою молодость весьма ушлый проньера, имел какое-то отношение к появлению Гематогена на свет, и сам при том состоял в родстве с местным прокурором, по мнению граждан очень нечистым на руку) и ещё пару дней спустя улыбающегося дебила возвращали в отделение.

Правоохранительные органы, как ни старались, а выбить чистосердечное признание из него не могли. Попробуйте-ка написать объяснительную записку, пользуясь шестью глаголами и четырьмя существительными. Даже под многочасовую диктовку выходящего из себя сержанта на бланке выходило черт знает что. Свидетелей же преступления также никогда не находилось. От беспомощности крепкие воздаяния подследственному посредством резиновых дубинок в милицеских казематах ничего не давали. После взбучки Гематоген только почесывал бока и срывал зло на сокамерниках, вышибая из них дух и последние крохи веры в провидение.

Суровыми зимами Гематоген подолгу голодал. Уже издалека завидев скупающего громилу, прохожие заблаговременно шарахались в сторону, от чего стол лиходея был настолько скуден, что он, дабы не слопотать авитаминоза, частенько обирал своих соседей.

Как и все Гематоген пил. В удачу он приобретал три бутылки креплёного вина, затем располагался прямо на земле, в тени у глухой барачной стены. Первую бутылку он выпивал залпом. Затем следовала минутная пауза, зычная отрыжка и в три-четыре захода уничтожались вторая и третья, после чего непременно съедался цветок одуванчика или кусок черствого хлеба. Спустя минут пять после этой процедуры

белки глаз баловня судьбы краснели, страшно выпучивались и начинали вращаться против часовой стрелки. Его челюсть отвисала, а изо рта начинала течь тягучая слюна. По-простовитию ещё четверти часа Гематоген засыпал, и мог мирно проваляться у стены до наступления следующего дня.

Беда случалась в те разы, когда будучи в подпитии Гематоген был нечаянно разбужен. В такие пикантные моменты он становился неуправляемым и крушил всё, что подвернется под руку. Больше всего ему нравилось выламывать двери соседям. Жильцы знали эту особенность Гематогена и заранее давали стрекача через окна, считая довольно надежным укрытием густой бурьян за туалетом.

Когда-то у Гематогена было собственное имя – Коля, хотя на памяти так его никто никогда не называл. Папы он не знал вовсе. Сказывали, будто некоторое время он даже посещал младшие классы, но с учёбою сразу не поладил, потому вскоре и забросил это пустое занятие. Его мать часто меняла мужчин, отчаянно пила и не противилась абсолютной свободе сына, который, возмужав, стал её серьёзно поколачивать.

Дважды Гематоген занимался любовью с женщиной. Но эта любовь всё же несколько отличалась от общепринятого понимания данного процесса.

Дело было в августе, а время обеденным. Созревание и безудержное разжжение плоти нашего героя пришлось на тот момент, когда невдалеке заселили новенькую девятиэтажку. Тут-то и приглянулась недорослю фигуристая молодая машина, часто выгуливающая в коляске первенца.

Выбрав момент, когда женщина шла одна по пустынной улочке, Гематоген ухватил невольницу своих нездоровых помыслов за волосы и потащил в кусты, прохрипев: – Ну, ты эта... пошли грю.

Естественно женщина от испуга и боли принялась верещать и звать на помощь. На беду Гематогена муж пленницы оказался дома, а балкон был раскрыт. Услышав душераздирающие вопли жены, молодой человек оставил хныкающего ребенка в кроватке и поспешил на помощь. Подоспел он вовремя, Гематоген почти обездвижил пленницу. Здраво оценив противника, к тому и не долго думая, мастер рукопашного боя (а парень серьезно увлекался единоборствами) хлесткой пощечиной подправил положение подбородка детины в пространстве и точным ударом в челюсть уложил Гематогена в глубокий нокаут, после которого на профессиональном ринге есть всего два выхода – с честью умереть, не приходя в сознание или полгода отлеживаться на больничных койках, а затем, хорошенько излупив парочку промоутеров, навсегда расстаться с боксом, поменяв эту забаву на лепку глиняных

свистулек.

Гематоген выжил и оклемался в пару недель, но ничего кроме внезапного снопа разноцветных искр не помнил. Из-за этого в отделении полиции на заявление молодоженов только развели руками, но подписку о невыезде с Гематогена на всякий случай взяли.

Из-за провала в памяти он не оставил черную мечту и, спустя некоторое время, с упорством дегенерата нападение повторил. На этот раз, хорошо зная противника, тренированный молодой человек устроил страждущему плотских утех настоящую экзекуцию. Расправа длилась почти час. Каждый раз, как только Гематоген приходил в себя, начинал мычать и пытался встать на ноги, точный удар отправлял его в очередной долгий нокаут. Мужчина удовлетворился лишь тогда, когда морда идиота отекала и приобрела мертвецкие оттенки, два передних зуба были выбиты, а глаза не могли явить миру зрачки без сторонней помощи.

И в тот раз Гематоген чудом остался жив, но к любви внезапно охладел и потом всегда удивлялся, зачем она вообще придумана, если после общения с противоположным полом внутри так нехорошо, всё тело ломит, а во рту почему-то образовалась болючая дыра и теперь неудобно кусать хлеб. Впрочем, сильно заморачиваться на эту тему он не стал; на

двор заглянула очередная зима, а к философии способностей орясина не имела.

К большому удивлению с бандитом находила общий язык стайка местной детворы. Завидя Гематогена, шантрапа начинала преследовать его, свистеть вдогонку, строить рожицы и всячески дразнить, стараясь вывести из себя. Особенно им нравилось подсылать самого маленького несмышлёныша, который подбегал на опасное расстояние, строил огромному дядьке рожки, крутил фиги и тонким голоском кричал: – Матоген дулак, матоген дулак.

На это Гематоген сначала притворялся будто не замечает шпанёнка, а затем ловко сгрёбал малютку огромными ручищами, но всегда нежно потискав испугавшегося малыша отпускал на свободу невредимым. Даже когда подобные забавы срывали Гематогену «дело», не было случая, чтобы он хоть как-то обидел детишек.

Не боялась злодея и непримиримая костлявая бабка Нюрка, что жила в комнатушке первого этажа в левом крыле и гордо носила кличку "Изергиль". Она окрестила Гематогена «фашистом» и вела с ним каждодневные боевые действия. Как только через открытую форточку в её комнатушку проникал отчаянный запах испражнений, а Гематоген всегда оправлялся под её окном, бабка Нюрка звонким криком опо-

вещала соседей: – Опять насра-ал скотина-а-а! Затем хватала совковую лопату и бежала за дом. Там она подбирала теплую ещё кучу и отбрасывала её подальше в кусты. После находила Гематогена и полчаса всячески стыдила мерзавца. Когда же мерзавец переходил все рамки расстроенным пищеварением, что особенно случалось в праздники, бабка Нюрка впивалась в его вихры и трепала их, пока Гематоген не отдирает смелую старушенцию и не зашвыривал её подальше. Однажды, ещё будучи в силах, Изергиль умудрилась даже здорово исцарапать харю обидчику и до крови укусить в руку, за что и прослыла на «ауле» отчаянной драчуньей.

Ко времени, когда «аул» пришелся моему пристальному вниманию, всегда бурная жизнь района заметно оскудела. По словам уцелевших аборигенов когда-то в этих местах с энтузиазмом заваривалась любая "каша", и любая же "каша" удачливой братией здесь и расхлёбывалась.

Случайный взор завсегда мог утешить непомерное любопытство забавной сценкой, как с неосмотрительно решившего сократить путь, прямо у заросшей хмелем беседки беспрдельщики снимают куртку.

Если раньше на "ауле" можно было видеть великое мно-

жество процветающих типажей нещадно эксплуатирующих дверные проемы, слышать отборную ругань или наблюдать поножовщину, то сейчас в одном из подъездов уцелевших деревянных двухэтажных строений протяжно скрипела повисшая на одной петле дверь. В остальных подъездах дверей давно не было, к тому же они совсем не освещались, как это было до смены страной политического курса. Теперь в оставшемся проулке застоявшейся мочой не воняло, визжащая детвора не сновала под ногами взрослых, да и взрослому узреть в хитросплетениях заросших тропинок было большой удачей.

О том, что район в свое время был читающим, говорили многочисленные книжные страницы, догнивающие в сорняках возле заброшенных сортиров. Развитый в литературном плане район охладел и к политической жизни, а в прошлом всегда можно было видеть порванный портрет Горбачева, мокнувший в луже и непременно с отпечатком обуви, или обрывок газеты с изображением Ельцина, которым вытерли зад. Даже чудеса, коими когда-то гордился "аул" канули в Лета.

Об одном из таких загадочных свойств бандитской слободы мне повезло узнать. Даже немногим назад город грешил тем, что девушки из благополучных районов, выйдя замуж, изводили местных гинекологов бесконечными посещениями

в пустой надежде забеременеть. В деревянных же строениях "аула" местные барышни и те из благопристойных, которые случайно заглянули в праздник на огонёк, беременели со скоростью света, не успевая попасть под венец и зачастую задолго до совершеннолетия. Внеплановый плод, как правило, отчаянно сражался за свою жизнь и ни разу не проиграл битву с всесильной подпольной медициной – малыши появлялись на свет крепенькими и с завидной регулярностью. Гинекология отказалась объяснить этот дивный факт, хотя к спонтанным родам имела самое прямое отношение.

Весна потихоньку вступала в свои права. На граждан с крыш сваливались сосульки, вдоль тротуаров текли бойкие ручейки, у подъездов образовались лужи.

Визитная карточка «аула» также довольно поистрепалась. Недавно Гематоген потерял маму (в одно прекрасное утро она просто не проснулась – сгорела от водки), а сам он обрюзг и стал терять коренные зубы. По всему ему было лет сорок с небольшим, но выглядел он на все шестьдесят. Часто его можно было видеть у завалинки и скармливающим крошки хлеба спящим мурашам.

День клонился к вечеру, когда в соседний подъезд постарался незаметно прошмыгнуть неизвестный. Не тут-то было. Завидев скромника, Гематоген, бесцельно подпирающий

дверной косяк, грубо пробасил: – Чё крадешься? У нас так не принято. Ты кто?

– Да мы тут поживем немного, хату сняли вот – с опаской проямлил застенчивый парень.

– А-а, новый сосед, ну тада не боись, иди себе с миром, – промычал Гематоген.

На том знакомство соседей и закончилось.

Прошло минут двадцать, и новоявленный поселенец «аула» вынырнул из подъезда. За ним вышла небольшого росточка миловидная девушка. За руку она тянула девочку трех лет...

Так уж устроен этот жестокий мир, что когда человек выберет положенный ему срок, он меняется. Независимо как при этом проявляется его новый характер и манеры поведения, но в облике такового хорошему наблюдателю всегда явится маска смерти. Увидев Гематогена, я сразу понял, что не долго ему осталось наслаждаться рассветами, но причин этому понять не мог. То ли это была некоторая отрешенность взгляда его огромных глаз, то ли излишняя симметрия лица, не знаю. Но мне показалось, что он словно прощается с этим миром. Я был уверен – скоро этого человека не станет, хотя

видимых признаков и не было. Но так и случилось.

Молодая семья жить старалась неприметно и вела себя тихо. В противность прежнему, Гематоген не только не обижал новоселов, а от чего-то привязался к девочке, которую старался угостить, самым непостижимым образом добывая шоколадные конфеты. Разбойник, не имеющий принципов и всё что слабее принимающий за поживу, последнее время старался опекать мирных соседей от любых неприятностей. Часто можно было слышать его приказное обращение тем, кто посягал на спокойствие молодоженов: – Эй, а ну-к осади! Осади грю! И зарвавшийся тут же отступался от своих притязаний.

К лету дошло до того, что родители оставляли девочку гулять во дворе под присмотр громилы. А в июле Гематогена, любившего качать на коленке ангелочка с розовыми бантиками, не стало.

В тот год всё было наперекосяк. Дурачилась даже луна в вечернем небе. Беды ничего не предвещало. Как обычно родители оставили дочурку на попечение Гематогена. День был жарким, поэтому Гематоген с малышкой были за баракком. Там всегда стояла прохлада. Верзила сидел на земле, при этом прислонившись спиной к дощатой стене, и дремал, а девочка скакала с бордюра на бордюру у пустынной доро-

ги. Машины тут были в редкость. Как на огромной скорости из-за угла на заброшенную улочку вылетел обшарпанный Газ-53 объяснить невозможно. От испуга девочка выскочила на дорогу и упала. Грузовик был метрах в пяти от ребёнка, и тормозить, по-видимому, не собирался. Гематоген не осознавал, что делает. Он оторвал огромное тело от земли и, с невероятным напряжением производя огромные шажищи, рванулся вперёд. В одно мгновение стареющий здоровяк оказался между грузовиком и девочкой. Внутри что-то резануло и с болью надорвалось, но он не обратил на это внимания. Он ухватил малышку за шиворот, поднял над землей и, падая на асфальт, на сколько мог тянул руку к другой стороне дороги, чтобы убереечь ребенка от удара. Грузный щебнем грузовик передними колесами на всем ходу наехал на Гематогена, подскочил, немного изменил направление и раздавил несчастного задними колесами, после чего капотом ткнулся в дерево.

Происшествию был один свидетель, случайно оказавшийся невдалеке прохожий. С его слов Гематоген умирал тихо и душа несчастного отлетала совсем недолго. Один глаз бедняги был раздавлен, а который остался цел, неестественно выпучился и всё смотрел на плачущую маленькую девочку. Ещё тот свидетель упорно утверждал, будто видел, что на окровавленных губах Гематогена блуждала так не к месту дурашливая улыбка.

Виновного водителя не оправдали, но и не посадили. Экспертиза установила, что Гематоген был обречен уже за мгновение до того, как его переехал грузовик. Когда он ринулся под машину, от неожиданного перенапряжения при рывке у него то ли оторвалась, то ли лопнула аорта, поэтому он и почувствовал нестерпимую боль в груди...

Могилки у Гематогена по сути-то и нет. Так, невзрачный холмик в который небрежно воткнут безликий крест, более как для опознавания, мол, и этот вот жил. Без красот, в общем. Но к ней иногда навевается девушка и на холмике всегда лежат цветы, и на почерневшем кресте подвязан розовый бантик.

С тех пор среди жителей города бытует мнение, вроде в этом проулке часто видят призрака с почти незаметными крыльями то сидящим на ветке, то стоящим у дороги. И всегда этот призрак грустен, а крылья бессильно опущены. Возможно, это и есть назначенный Гематогену свыше ангел, но который по неизвестной причине где-то задержался и слишком опоздал...

Опоздал на целую жизнь.

Дездечадос(лишенцы)

К своим двадцати семи ничего особенного из себя Владик не представлял. Он не был женат, любил бесцельно валяться на диване, пялясь в телевизор, удить в реке рыбу и неразлучно таскал с собой мечту мгновенного обогащения. Поверх этого незатейливого скарба у него была ещё одна сущая безделица – не востребовавшее высшее образование.

Это был один из самых серых представителей разношерстной толпы провинциальных балбесов в потёртых джинсах, кургузом свитере и кепке, в поисках работы по десятому кругу отирающий отделы кадров десятка городских компаний и полутора сотен мошеннических контор, облепивших улицы города, как мухи бумажный абажур.

С некоторого времени Владик невзлюбил свой город. Город, в котором не было врача-рентгенолога, работало два светофора, были разворованы и впоследствии превращены в развалины Помпеи сорок предприятий и сбежал в Англию губернатор, протеже президента.

Виной тому, как ни странно, была кастрюля водоизмещением в четыре литра, облезлый бок которой украшали две сочные ягоды земляники и зеленый кленовый листок. Эта кастрюля, помнившая наваристые борщи на мозговых косточках и некогда баловавшая детство тушеной капустой с

говядиной, давно была водворена под кухонный стол, где и пылилась, прозябая в глубочайшем забвении.

Как и подавляющее большинство жителей, Владик с мамой от времён горбачёвской анархии и ельцинского бандитизма привыкли обходиться супами из пачек, сухарями, маргариновой дрянью «Покровское» и сублимированной китайской лапшой «Доширак», отчаянно заглушая хроническое чувство голода множественными приёмами чая безо всякого на то повода.

Да, Владик жил с мамой. Этой вечно больной женщине и были обязаны все его двадцать семь лет, которые при, не дай того Бог, её уходе из мира сего давно оборвались бы от истощения. Его друзья, собрав пожитки и остатки долготерпения, давно бежали в благодатные районы страны, тем самым значительно увеличив необжитые пространства восточных окраин Родины, при том своей выходкой немало удивив власть. И теперь в опустевшем городишке ранимый его возраст переживал тяжелейший моральный кризис по ущербу сопоставимый с экономическими руинами Детройта.

То, что предлагал избалованный работодатель, не устраивало отравленную нищетой душу, а места, которым могло снизойти сердце Владика, были заняты преклонным возрастом. И как ни билась его судьба, а удобоваримой ниши ей

занять пока так и не удалось.

Случайных денег не было, и уже вторую неделю Владик негодовал. Нет, если бы подобное навалилось летом, ему было бы значительно легче. Часть переживаний он добросовестно утопил бы на городском пляже, частью поделился бы в неподдающихся исчислению пивных, а оставшееся горе расплескалось бы в многочисленных бессонных ночах и беспорядочных случайных связях. Но, как назло на дворе зверствовал кризис и стояла затянувшаяся мрачная дальневосточная весна, которая, судя по всему, освобождать место и не собиралась.

Вторая половина человечества, ставшая жертвой астрономического упадка и санкций, но обладающая более ясным сознанием в отличие от первой, здраво расценила ситуацию в стране, приравняв действительность к жизни на каторге. Поэтому на обычно бушующие в это время гормоны женской половине невероятным образом удалось наложить епитимью в виде бессрочного поста, отчего единственный роддом, что желтел на улице Ленина, к осени поклялся переквалифицироваться в мертвецкую, а бывший форпост страны стал скучен, как испанская лестница в Риме.

Очередной раз, проведя впустую день в очередях, изголовавшись и основательно промочив ноги, опустошенный он

поплёлся домой. Путь, выключая пару главных улиц и десяток незатейливых проулков, основой своей пролегал по тоскливому бульвару, усеянному по обеим сторонам рядами хилых ясеней и разноцветными филиалами многочисленных банков. Эти отпрыски легализации награбленного нагло швыряли в лица горожан издевательские предложения быстро решить все накопленные ими проблемы в обмен на куда более тяжкие обстоятельства, завалированные дежурной улыбкой банковских фурий.

На этот раз финансовый порок капиталистического жульничества, который уже неоднократно опутывал Владика непомерными долгами, не мог омрачить итак невесёлых мыслей.

Остановившись, Владик запустил руку в карман брюк, сгрёб в кулак и явил свету весь свой капитал. Капитал был также жалок, как и его лоснящаяся по подпалинам уставшая кепи. Пересчет потертых никелевых монет дремлющее сознание не ободрил. Впрочем, Владик стоически отнёсся к неприветливой сумме, которая в значительной мере уступала стоимости жестяной банки пива, и небрежно высыпал мелочь обратно. Пить не хотелось совсем.

Немного поразмыслив, он прошел несколько метров вперед, уселся на почерневшую скамью и начал созерцать. Буль-

варные дали, доступные усталому взгляду, были пустынно. Вдоль унылых зданий, едва переставляя нездоровые ноги, бесцельно шлялась в потрясающе ветхом наряде капиталистическая скука.

Сначала взор Владика изучил трогательный ромбовидный рисунок из розовых и серых тротуарных плит. Затем его глаза скользнули по стволу ясеня с дуплом, что печалился на другой стороне дорожки и обещал рухнуть на прохожих уже в августе, переметнулись на вызывающе оранжевую кривобокую урну, украшенную орнаментом многочисленных окурков, после чего были отвлечены отъезжающей инкассаторской машиной от остеклённого по нижнему ряду темными зеркалами офисного здания.

Этот бежевый с чёрными эмблемами на дверях и овальным фонарём сирены на крыше автомобиль круто вильнул, видимо объезжая выбоину в асфальте. Затем выровнялся, фыркнул и, набирая ход, резко повернул налево, в первый же переулок. В это самое время его корпус дал сильный крен и, руководствуясь только ему известными внутренними посылами и доводами финансового дела, распахнул заднюю дверцу. Секунду спустя бронированный растяпа вывалил на дорогу неопределенного цвета увесистый тюк, а уже через мгновение, качнувшись на другой бок, с едва слышимым щелчком захлопнул неосторожно раззявленную пасть и

исчез за поворотом.

Миг погода прикованный взор Владика, ощупывающего забавный предмет, неожиданно отвлекла представшая во всей красе тощая провинциальная совесть интеллигента и заунывным голосом начала нести несусветную чушь о законном вознаграждении за подобные находки.

Сколько бы длился один из самых благочестивых монологов в мире, неизвестно. Известно, что тягучую панихиду провинциальной совести, исполняемую глубоким меццо-сопрано, самым хамским образом прервал грубый топот сильно разношенных ботинок ни как не менее сорок четвёртого размера. Это, привыкшая с рождения на лёту хватать зазевавшуюся добычу, а случайный десерт принимать исключительно за еду, а не лакомство, не имеющая никаких моральных ограничений, перескакивая декоративные ограждения, неслась чёрная совесть в образе местного тридцатилетнего голодранца. Естественно, что, заметив выпавший тюк из обласканного тайными желаниями и масляными взорами налётчиков автомобиля совесть, заквашенная на портвейном угаре городских трущоб, не собиралась читать своему хозяину поучительные выдержки из уголовных уловок для дураков. Она, подхватив своего хозяина от непроницаемых и густо оплёванных снизу дверей неприметной забегаловки, во всю прыть понесла его к неосмотрительной жертве.

Первая участница набирающих обороты событий этого не ведала. Она была скромна, имела сорок второй размер обуви, носила быстро промокающие кроссовки, а не хлябающие ботинки и, на двадцать седьмом году жизни, была довольно резва. После секундного замешательства, ушедшего на поиски ответа риторическому вопросу: – Откуда? ведь бульвар был абсолютно пуст, – и не найдя оного, она рванула наперерез беспредельной наглости, дабы не потерять может быть единственного шанса в своей жизни. Обе совести через пару мгновений лоб в лоб столкнулись возле объемного в военный цвет и с двумя крепкими широкими лямками мешка.

Только здесь, не лишенной изворотливости белой провинциальной совести, удалось узнать всю правду о неожиданно возникшем на её пути препятствии. В серые глаза скромницы таращился беспринципный, с уголовным прошлым карий цвет, принадлежащий тому ответвлению родословной человеческих совестей, который являл миру беспардонную, в большинстве своем незаконнорожденную, шантрапу из многочисленных чердаков, подвалов и подворотен, закаленную в уличных сражениях и обронившую ранимую мечтательность и первую влюбленность на ухоженных ручках молоденькой сотрудницы из инспекции по делам несовершеннолетних.

Матёрая безотцовщина, которая при удобном случае привыкла пускать в ход финку и не терпела долгих прелюдий, заскорузлыми лапами с грязными ногтями мёртвой хваткой вцепилась в грудь сероглазой, повалила на спину и с бульдожьим азартом принялась трепать оторопевшее тепличное создание. Дикая развязность этого действия явно предполагала стереть с лица земли шуструю никчемность, разmozжив ей башку о тротуарный бордюр. Ботинки борца за место под солнцем при этом издавали странные чавкающие звуки.

Только усилием воли и явным несогласием с подобным обращением повергнутый интеллигент ответил нервной хваткой костлявых рук в горло своему обидчику, и при этом упёрся коленом ему в живот. Из кроссовок поверженного валил густой пар. На его впалых щеках заиграл прощальный румянец, присущий умирающему туберкулёзнику.

Навалившийся же противник приобрёл вызывающий насыщенный жизненной силой свекольный окрас и распространял тяжелый запах. Схватка представителей различных общественных формаций с первой секунды приобрела характер смертельной.

Полминуты невероятного напряжения учтивой кротости и хулиганского запала потребовало от обоих серьезных раз-

мышлений о брэнности бытия.

И хотя мысли беспризорного выходца из трущоб текли гораздо медленнее интеллигентных, и в противность им не собирались прощаться с жизнью, но все же и они, в конце концов, привели своего хозяина к выводу, что лучше роковое состязание на некоторое время отложить и он первым ослабил хватку. Тяжело пыхтя, гладиаторы поднялись на карачки.

– Влад – серым пламенем прожигая божественный ареол беспросветной наглости, тихо просипел Владик, – я первый увидел.

– Вот это видал, наподдать – шумно выдохнув, пробасил противник, стараясь покарать совестливое насекомое взглядом и показывая сжатый пудовый кулачище. Но после некоторой паузы, – зовусь Михой.

– Пошел к черту, – сухо ответил Владик.

На этом, исчерпав словарный запас, не сговариваясь, они быстро встали, подхватили за лямки брезентовый тюк и, несмотря на его солидную тяжесть, окрылённые, дали задорного стрекача в переулок, противоположный тому, куда свернул инкассаторский автомобиль. Ожидания быть неза-

меченными не оправдались уже на первых тридцати метрах. Всегда пустая улочка оказалась на удивление оживленной. Количество околачивающихся зевак в глубинах улочки и поднявшийся собачий лай были неутешительными и обещали более десятка ненужных свидетелей. По всему, некто тайный именно в это время выманил на улицу этот сброд поглазеть на счастливицков.

Смекнув, что они вовсе не нуждаются в подобном раскладе, компаньоны изменили курс на сто восемьдесят градусов и уже через минуту, тяжело дыша, на всех парусах проносились мимо злополучного места по-родственному тёплого побоища. Соколиные крылья, которыми мгновение назад они покрыли первую дистанцию, всё же несколько пообтрепались и уже перемещали своих хозяев не так стремительно. За странными манёврами двух совестей наблюдал немой зрачок охранной видеокамеры, установленной на верхнем срезе возле углового окна безответственного офиса.

На этот раз природный дар не дал навигационных сбоев и, благополучно преодолев пару сотен метров вдоль бульвара, товарищей по несчастью скрыл глухой тупик. Там неинтеллигентный удар вышиб пару штакетин в крайнем заборе, и воодушевлённые чичисбеи драгоценного груза галопом рванули через пустырь в близлежащие заросли тальника в поисках надёжного укрытия. Достаточно углубившись и посчи-

тав, что цель достигнута, подельники сделали привал. Владуку сильно захотелось пить, а Михаил кроме этого с удивлением обнаруживал ещё и отсутствие многолетнего интереса к алкоголю.

– Миш, что будем делать, – отдышавшись, прохрипел во-просил Владик.

Тот смерил компаньона убийственным взглядом, и уже открыл было рот для впечатляющего всеобъемлющего ответа, как оба услышали отдаленный вой полицейской сирены. Этот вой, мгновенно истребив взаимные притязания, объединил усилия двух совестей, и обе поняли, что тяжкий груз внезапного обогащения нести им теперь предстоит вместе.

– Открывать и смотреть что там пока не будем, – твёрдо и может впервые в жизни здравомысляще рассудила чёрная совесть. Белая не нашла контраргументов, благоразумно подумав: – Черт знает, как подействует вид купюр на этого болвана.

– Что будем делать? – повторился Влад.

– Для начала нужно хорошенько укрыться. Там видно развели нешуточную шумиху, – потревожил кусты низкий рокот ответа.

– Да, неплохо бы отсидеться пару дней, узнать, что почём, а уж потом подумать, как быть с этим, – кивнул на тюк Влад, – может, пойдём ко мне; место есть, а маме я тебя представлю как друга.

– С этим в город нельзя, – задумчиво протянула давняя знакомая криминальных хитросплетений судьбы – у них собаки, агенты, сексоты и всё такое. Сразу вычислят.

– Здесь не менее опасно, да и скоро ночь, – парировал Владя.

– А кто собирается тут сидеть, – прогрохотал ответ, – пока светло айда на дачи, а там разберемся, что и как.

Три километра по непролазным зарослям рододендрона, краснотала и кустов шиповника дались с большим трудом, окончательно измотав подельников и здорово исцарапав им руки. Дело усугублялось некоторым взаимным недоверием. Никто не мог позволить себе оставить напарника наедине с внезапно свалившимся на их головы уловом.

– Остановимся в брошенном домике где-нибудь на краю дач – выдохнул Владик и сразу пояснил – вероятно, шмонать у дороги не станут и, если отсиживаться с умом, не найдут.

– Ладно, – бросил именовавший себя Михаилом.

Тем не менее, крайняя дача их не устроила. Строение оказалось капитальным и ухоженным. Пришлось еще тащиться почти километр, пока не подыскали невзыскательно-го вида убежища. Участок был явно заброшен, а догнивающий фанерный домик сырым. Но эти недостатки с лихвой покрывал хороший обзор, проходящая по близости дорога и целые стекла в окнах невзрачного строения. Обоим с невероятной силой захотелось пить. И тут Владик, не имеющий никакого опыта общения с законом, чуть было всё не испортил. Он решил сходить к колодцу и набрать воды. Тот, что именовал себя Михаилом и как-то от безделья читал уголовный кодекс, вовремя пресёк эти поползновения, растолковав, что на свет в подобных ситуациях на глаза лишний раз не выползают.

– Слушай, таракан, я сказал вся движуха по темну, что не ясно – рыкнул он.

– Но я сильно хочу пить. Сам ты таракан, – покраснев, попытался возразить Владик.

– Заткнись... Потерпишь, не один такой – прошипел Михаил, и Владик замолчал.

Совместная ночевка, сгладив некоторые шероховатости, сблизила две противоположности. Недоверие между ними если и осталось, то уже не вызывало серьезных опасений.

На рассвете полил дождь.

– Дождь это хорошо, – протянул из угла Михаил, – следы замозет, собаки будут бессильны.

– Что будем делать – спросил Владик, – есть охота.

– Хрен его знает, надо хорошенько помараковать, – начал монолог Миха,-

тебя отправлять за едой опасно, только навредишь. Сейчас осмотрим содержимое мешка, денег то нет совсем, а жратва не бывает бесплатной. Возьмем только на нужды. Не дрейфь, возьмем равные части, остальное прикопаем пока.

Миха подтянул мешок, расстегнул застёжки и отбросил матерчатую накладку.

Тюк был плотно набит вакуумными упаковками, через мутный плотный целлофан которых серела американская валюта. Михаил вывалил содержимое.

– Доллары, целая куча. Все достоинством в сотню. Сколько их тут? – прошептал Владик, распахнув глаза.

– ..., ай как не повезло. Крышка, – грязно выругался представительный нунций от местной шпаны, – с ними никуда не сунешься.

– Совсем?

– Совсем. Любая покупка или обмен этих листов со вчерашнего дня отслеживаются полицией с особой тщательностью. Пропадём.

– Что будем делать? – с этого момента Владик решил целиком положиться на богатый жизненный опыт любезно предоставленного обстоятельствами крепкого телом отпрыска проходных дворов.

– Не знаю, – промычал тот, явно стараясь повернуть тугие резиновые мозги.

– Давай предложим кому-нибудь купить по дешевке?

– Кому же предложишь такое? Здесь не меньше десятка трехкомнатных квартир. Денег у народа нет. А кавказцы или

цыгане сначала выведывают всё, а потом в лучшем случае отберут весь пай, а в худшем завалят. Во всех других случаях сам себя подведешь под монастырь и, не солоно хлебавши, будешь мотать срок.

– А если сдать обратно?

– Можно, но о вознаграждении забудь. Там не прощают проявлений алчности.

– Может подождать немного, что и надумается?

– Короче, это упаковываем обратно и прикопаем. Я по темну в город. Ты сидишь как мышь. Вздумаешь смыться, под землёй найду и убью.

– Есть охота.

– То пить ему, то есть. Терпи, не маленький.

До обеда снова спали, каждый в облюбованном углу. После обеда дождь перестал, что дало возможность в сумерках надежно спрятать под дачным хламом богатство. Отдохнув, Михаил растаял в темноте. Ночь Владик спал плохо. Ему чудилось, что Михаил решил его надуть и затаился в придорожных кустах, поджидая, когда его сморит сон, чтобы ута-

щить тюк с долларами.

Владик всю ночь мерз оттого, что держал окна отворенными. Он боялся упустить вора. Но ничего не произошло. Весь следующий день Владик томился ожиданием, а к вечеру его стало знобить. Уже потеряв надежду, он услышал шорох. Сердце заколотилось. Но Михаил предусмотрительно отозвался. Выглядел Михаил осунувшимся и сильно уставшим. Он притащил нехитрой еды. Едва поздоровавшись, Влад, трясаясь от температуры, выпил сырое яйцо, а потом набросился на хлеб и прогорклое сало.

– Дела наши швах, – пророкотал Михаил, – нас сняла камера, что на офисе. Город на ушах. Мы в розыске, объявлено вознаграждение. В пачках по десять тысяч, а весит тюк, чтобы ты знал, пятьдесят кило.

– Что же делать? Без денег мы тут долго не протянем.

– Есть мыслишка, но как к этому подойти, пока не знаю.

– Что предлагаешь?

– Не я предлагаю, а безвыходная ситуация.

– И что нам предлагает безвыходность, – с сарказмом

спросил Влад.

– Поход в Украину.

– Ничё себе расклад! Там же война. Нас шлепнут как крыс в первый же день, и, скорее всего, эта неприятность произойдет уже на границе. Может ещё Афганистан предложишь?

– А ты как думал воровать чужое.

– Я не своровал, а нашел.

– Во-первых, не ты, а мы. Во-вторых, тля, это только твое мнение, а там подобное расценивается как незаконное присвоение чужого имущества, а именно кража.

– Не в Украину нам не нельзя.

– Захотим, доберемся. На сегодня хорош балагурить, ложимся спать. Утро вечера мудренее.

– Нет, постой. В Украину! Ты явно не в себе. Я вот о чем подумал. Не лучше ли пробраться во Владивосток? Там море, много бесконтрольных судов и гораздо ближе. Может в Гонконг, в Азию, а?

– В Гонконг... в Азию... Вот что, валяй спать. Утром разберемся.

Пасмурное утро приняло решение в пользу Владивостока. Азия, это то занятное местечко, где человек добросовестно разгружающий баржи не вызывает вопросов у местной полиции, где стодолларовая купюра не пишет свою автобиографию в камере предварительного заключения, а вид преступившего закон где-то за азиатскими пределами, таскающего по сходням мешки, вызывает умиротворение властей. Также немаловажно, что отсутствию проблем у несчастных заблудших овец, нарушающих христианские заповеди, потворствует почти двухмиллиардное разномастное население. А среди саранчи, как известно, муравей неприметен. Кроме того, в неподдающейся исчислению толпе невероятно сложно организовать какой-либо значимый учет беспорядочно снующим денежным знакам.

Примерно в десять часов утра Михаил ушел на поиски путей эвакуации из района бедствия, назидательно указав Владиду вынуть батарею из мобильного телефона.

Надо сказать, что прожжёному шаромыге жилось намного проще. У него не было мамы, как, впрочем, и отца, и жил он одним днём. Владиду в этом смысле пришлось туго. Перед тем, как обесточить слайдер от «Самсунг», он набрался

сил и позвонил домой. Мама рыдала и умоляла сына вернуть деньги и вернуться домой, но неумолимая тяга к богатству холодной душой институтских познаний нажала на кнопку отбой. На серые глаза навернулись недолгие слёзы. Высшее образование наконец-то нашло себе применение и расставило все точки над «i».

– Мир бретен, – нашептывало оно, – а жизнь коротка и шанс выпадает всего один раз. Весь состоятельный мир рисковал. Без риска не пьют шампанское, и любой богач когда-то сидел.

Не оставалось ничего, как плыть по течению.

К пяти вечера вернулся Миха.

– У нас пара минут, сваливаем.

– Я хочу есть.

– Пожрёшь по дороге, я немного захватил с собой. Если будешь тянуть резину, набью морду, – твердо заключил Миха.

Владик покорился, хотя всё же не без немых огрызаний.

К одиннадцати ночи им удалось добраться до железной дороги. Миха опять исчез. Долгих два часа в потёмках на пронизывающем ветру Владик, всё ещё температура, дожидаясь Михаила. В какой-то момент он уже отчаялся, и всё его существо готово было дожидаться утра и с рассветом поволочь злополучный мешок в ближайшее отделение полиции. Под грохот проносившихся составов в памяти всплывал болезненный образ матери.

– Наверное, плачет, – думал Влад.

Чувственные сердцу мысли прервали бухающие шаги кровного брата.

– Через пару минут товарняк на Находку. Все пятьдесят четыре вагона волокут в порт невызревшие чегдомыньские угли. Здесь он притормаживает, приготовься. Не запрыгнешь, уеду один.

В этом месте грохот и слепящий свет локомотива скрыл усилия беглецов и постарался замести следы внезапного исхода грешников из мест обетованных. Но кое-какие меты для истории это акт всё-таки оставил. Между редкими стоянками на перегонах не раз были замечены две перепачканные угольной пылью голодные рожи, не расстающиеся с грязным туго набитым мешком, и потревожила неспешного пьяного

путейца одна незначительная погоня, окончившаяся полным провалом полицейского наряда на одной из железнодорожных станций.

Спустя неделю от малоприметной темной личности вхожей в приморскую мафию, стало известно о сбыте возле находкинского отделения «Сбербанка» пяти настоящих сто-долларовых купюр местному барыге за полцены.

Затем на одной из прибрежных «малин» в ничего не значащей беседе промелькнуло, что незарегистрированный сейнер с контрабандным камчатским крабом принял на борт двух странных оборванцев на должность разнорабочих в обмен на стол, и отбыл с ними в Индийский океан, якобы в поисках косяков жирного минтая.

Еще через три месяца в чреве вышеупомянутого сейнера по неизвестным причинам произошла драка между этими пассажирами, где один, будучи мордворотом, пожелал вышибить дух из интеллигентного товарища, на что тот из всей силы ткнул противнику пальцем в глаз, чем и предотвратил преждевременную свою гибель. В свою очередь данный инцидент привел стороны конфликта к честному разделу по случаю доставшейся инвалюты между заложниками ситуации и внезапному ночному исчезновению более крепкого телосложением в одну из ночей на малоизвестном рей-

де вьетнамского побережья.

Более тонкую натуру подлое грехопадение чёрной совести ранило глубоко и заставило крепко призадуматься. Решив, что размазывание времени по экватору приведет к печальным последствиям и подстрекаемый усилившейся подозрительностью капитана и команды, он, выдержав месячную паузу, чудом умудрился зафрахтовать с кормы случайную джонку и бежал на индонезийские острова.

Там он долгое время слонялся без дела, часто меняя многочисленные песчаные приюты; голодал; потом пару месяцев околачивался на Бали, убирая территории гостиниц и отелей, растеряв за это время треть состояния на сомнительную легализацию своего явления на архипелаг несусветного безделья. Наконец, благодаря стечению обстоятельств, приобретенному глубокий бронзовый окрас, мимолётному миллионеру с остатками состояния посчастливилось объявиться в кипящем Гонконге. Там спустя пару дней он был арестован, до нитки обобран полицией, после чего в наручниках был препровождён в местную тюрьму.

Уже из тюрьмы он дозвонился безутешной маме и как мог, успокаивал убитую горем больную старушку. Из страдальческих интонаций родного человека он прознал, что закон его не преследует: фирму, неоправданно обронившую на

бульваре деньги, обнаружили претензии нескольких прокуроров, и она давно смылась из города, а работники офиса теперь в розыске.

По прошествии двухмесячных процедур и многочисленных объяснений с российским консулом, в которых тщательно скрывались тесные отношения с изъятыми на диво молчаливой тайской полицией остатками стодолларовых купюр, он был выдворен обратно в Россию.

Вагон, оборудованный для перевозки скота, был основательно забит депортированной русскоязычной братией, потерпевшей крах на обманчивых меридианах азиатского благополучия.

Долгую ночь последнее пристанище отощавших искателей приключений под надежной охраной томилось в тупике возле Суйфеньхэ. Утром, твякующий акцент китайского полисмена приказал потесниться. Вагон принимал дополнительную партию отпуществовавшихся патриотов, добровольно возжелавших остаток жизни посвятить ратному труду на благо гостеприимной Родины. Среди входящих был один загорелый с голодным, но оптимистичным карим взором нахальный мордоворот. Отголоски откровенного босячества были втиснуты в дорогой английский костюм, впрочем довольно измятый и в многочисленных пят-

нах. Неприятельному взору китайская подделка эликсира джентльменского блеска представлялась арабским шейхом изгнанником, напялившем шотландскую юбку. Уголовные глаза осунувшегося шалопаля метали из под бровей разящие стрелы. В тёмном их омуте таилось несколько коротких приключенческих выдержек. Эти недолгожителы пестрили поклонами юных вьетнамских дев, выдувались умиротворёнными парусами одного добровольного и нервными другого, но уже вынужденного перехода через Японское море в обратном направлении. В них слышался, взявший самую высокую партию похоронной мелодии, свист вакидзаси крайне негодующей якудзы, трещал вдребезги разбитый храм бестолковой гейши, сотканный из бамбуковых палочек и пергаментов, дули многодневные тибетские пассаты, лили бесконечные муссонные дожди, медитировали беспросветно нищие ламы. В завершение тому курился убийственный китайский гашиш, отпечатавшийся в памяти трёхдневным пребыванием в бреду на одном из пекинских пустырей. Красной нитью проходил поединок с чужеземными налётчиками на семь тысяч сто восьмом километре Великой стены, харканье кровью и два долгих месяца за решеткой.

Каково было удивление сероглазой совести встретить в таком ужасающем положении предавшую братские узы и низко падшую на азиатских просторах сестрицу, которая, завидев утонченную её натуру, вдруг, впервые радушно ши-

роко улыбнулась, обнажив крепкие белые зубы. Интеллигентная совесть умудрилась отдалить возле себя немного места на лавке для непутевой близкой родственницы. Устроившись, дездечадос крепко пожали друг другу руки и молча уставились в окно тронувшегося вагона.